

ДЖЕЙМС

КЕРВУД

Школьное

чение

БРОДЯГИ СЕВЕРА ♦ В ДЕБРЯХ СЕВЕРА

Одобрено
лучшими учителями

Издательство АСТ

Школьное чтение (АСТ)

Джеймс Оливер Кервуд

Бродяги Севера. В дебрях Севера

«Издательство АСТ»

1919, 1922

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кервуд Д.

Бродяги Севера. В дебрях Севера / Д. Кервуд — «Издательство АСТ», 1919, 1922 — (Школьное чтение (АСТ))

ISBN 978-5-17-155144-5

Джеймс Оливер Кервуд (1878–1927) – американский писатель, журналист, защитник окружающей среды, автор приключенческой литературы. Страстный охотник, натуралист и путешественник, Кервуд бродил по глухим местам Северной Канады, хорошо знал и любил этот суровый край. Природе Канады и жизни четвероногих обитателей канадского севера посвящены его лучшие произведения. Главные герои его романов – дикие животные в дикой природе – волки, собаки, медведи и пр. Маленький черный медвежонок Неева и щенок Мики – герои повести «Бродяги Севера» (1919) – с юного возраста остаются один на один с суровой северной природой. Выживут ли маленькие друзья по несчастью, встретят ли поддержку и защиту у человека, преодолеют ли все те испытания, которые выпали на их долю? В книгу также вошел роман в «Дебрях Севера» (1922).

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-155144-5

© Кервуд Д., 1919, 1922

© Издательство АСТ, 1919, 1922

Содержание

Бродяги Севера	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	20
Глава V	22
Глава VI	25
Глава VII	30
Глава VIII	35
Глава IX	40
Глава X	46
Глава XI	49
Глава XII	53
Глава XIII	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джеймс Оливер Кервуд

Бродяги Севера. В дебрях Севера

© Гурова И.Г., перевод., насл., 2023

© Громов Е.С., ил. на обл., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Бродяги Севера

Глава I

Неева, маленький черный медвежонок, впервые увидел мир, в котором ему предстояло жить, в конце марта – на исходе Орлиного месяца. Нузак, его мать, была уже пожилой медведицей, а потому любила поспать подольше, чтобы понежить свои ревматические косточки. Вот почему в эту зиму – в зиму рождения маленького Неевы – она проспала не обычные три месяца, а целых четыре, и Нееве, когда они вылезли из берлоги, было больше двух месяцев, хотя чаще всего медвежата начинают знакомство с лесной жизнью в шестинедельном возрасте.

Зимовала Нузак в пещере у гребня высокого каменистого холма, и вот с этого-то гребня Неева впервые посмотрел в долину. Вначале солнечные лучи совсем ослепили его глаза, до сих пор не знавшие ничего, кроме густого сумрака пещеры. И поэтому он услышал, почуял и ощутил множество самых разнообразных вещей раньше, чем увидел их. Впрочем, Нузак тоже словно растерялась, обнаружив за стенами пещеры солнечный свет и тепло вместо холода и снега, и долго стояла на вершине холма, нюхала ветер и оглядывала свои владения.

Уже две недели ранняя весна творила чудеса в прекрасном северном краю, который тянется с запада на восток от хребта Джексона до реки Шаматтава и с юга на север от озера Готс до реки Черчилл.

И сейчас этот край был великолепен. С высокой скалы, на которой они стояли, он походил на безбрежное солнечное море, и лишь кое-где еще белели остатки высоких сугробов, наметенных зимними буранами. Их холм круто поднимался над широкой долиной. Повсюду перед ними, насколько хватало глаз, простирались синевато-черные полосы леса, мерцали озера, еще не сбросившие ледяной панцирь, блестели речки и ручьи и начинали зеленеть луга, над которыми поднимались благоуханные запахи земли. Нузак, черная медведица, жадно втягивала носом эти бодрящие запахи, обещавшие сытную и изобильную еду. Внизу, в долине, уже буйствовала жизнь. Почки на тополях набухли и должны были вот-вот развернуться, из темной почвы пробивались сочные и нежные стебли трав, съедобные корни наливались соком, подснежники, ранние фиалки и весенние красавицы тянулись к теплоте блеску солнца, приглашая Нузак и Нееву на пир.

За двадцать лет своей жизни Нузак успела хорошо изучить все эти запахи: восхитительный аромат елей и сосен, резкий сладкий запах корневищ водяных лилий и сочных луковиц, поднимавшийся над оттаявшим болотцем у подножия холма, а главное – победный, всепоглощающий, преисполненный жизни запах самой земли.

Вдыхал эти запахи и Неева. Его ошеломленное тельце впервые дрожало и трепетало от радостного волнения бытия. Еще минуту назад он был окутан темнотой – и вдруг очутился в стране чудес, о существовании которой он и не подозревал. Эти несколько минут необычайно много поведали ему о дарах, припасенных для него матерью-природой. Он еще ничего не знал, но в нем заговорил врожденный инстинкт: он понял, что этот мир создан для него, что солнце и тепло существуют для него и что сладостные запахи земли зовут его вступить во владение ее плодами. Он сморщил бурый носик, втянул ноздрями воздух и познал острое благоухание всего, что было приятным и желанным.

Кроме того, Неева внимательно прислушивался – его настороженные ушки ловили музыку пробуждающейся земли. Даже корни травы словно пели от радости, и всю залитую солнцем долину заполняла тихая бормочущая мелодия, свидетельствовавшая о том, что покой этого мирного края еще не нарушен появлением человека. Повсюду раздавалось журчание бегущей воды, и Неева различал множество еще незнакомых звуков, которые могли издавать

только живые существа: чирикание воробьев, серебристые трели малиновки внизу у болотца, пронзительный, радостный крик нарядной канадской сойки, отыскивающей место для гнезда в густой поросли бархатистых елок. А в бездонной высоте над его головой раздался резкий клекот, от которого он вздрогнул: на сей раз инстинкт сказал ему, что это – опасность. Нузак подняла голову и увидела темный силуэт: Упиок, огромный орел, парил между землей и солнцем. Неева тоже увидел этот кружащий силуэт и прижался к матери.

А Нузак, хотя она и была так стара, что потеряла половину зубов и стала хуже видеть, а в сырые холодные ночи все ее кости ныли, все-таки по-прежнему испытывала ликующую радость, когда смотрела вниз. Ее мысли уносились далеко за пределы долины, над которой они проснулись. За стеной лесов, за самым дальним озером, за рекой и лугами лежали безграничные просторы, которые были ее домом. И она различила глухой гул, который не уловили ушки Неевы, – еле слышный рев большого водопада. Именно этот дальний голос вместе с журчанием тысяч стремительных ручейков, вместе с шелестом ветра в елях и соснах и создавал весеннюю музыку, наполнявшую теплый воздух.

В конце концов Нузак шумно вздохнула, ласковым ворчанием позвала Нееву за собой и начала медленно спускаться по каменистому откосу.

В золотом омуте долины было еще теплее, чем на гребне холма. Нузак направилась прямо к болотцу. Перед ними, затрепав крыльями, вспорхнула стайка рисовок, и Неева чуть не перекувыркнулся от неожиданности. Однако Нузак не обратила на них внимания. Гагара, увидев бесшумно ступающую медведицу, возмущенно крикнула, а затем испустила пронзительный крик, от которого у Неевы шерсть встала дыбом. Но Нузак не обратила никакого внимания и на гагару. Неева все это заметил. Он не спускал глаз с матери и, повинаясь инстинкту, готов был пуститься наутек по первому ее сигналу. И теперь в его круглой смешной головенке быстро зрел вывод, что его мать – самое удивительное существо на свете. И уж бесспорно самое большое, то есть самое большое из всего, что живет и движется. Он пребывал в этом убеждении минуты две, а потом они приблизились к болотцу. Раздалось громкое фыркание, треск ломающихся веток, чавканье грязи под мощными ногами, и гигантский лось, вдвое выше, чем Нузак, кинулся бежать прочь. Глаза у Неевы вылезли на лоб. А Нузак и на лося не обратила ни малейшего внимания!

И вот тут-то Неева сморщил носишко и рывкнул, как он рывкал на уши и патлатую шерсть Нузак в темной пещере и на палки, которые грыз там. Он вдруг понял замечательную вещь: ему можно было рывкать на все, на что ему захотелось бы рывкнуть, пусть даже на самое большое. Потому что и те, кто был больше Нузак, его матери, все равно убегали от нее.

Весь этот первый чудесный день Неева то и дело открывал что-то новое, и с каждым часом в нем крепла уверенность, что его мать – единовластная владычица всех этих залитых солнцем удивительных новых мест.

Нузак была заботливой старой матерью – за свою жизнь она вырастила чуть ли не два десятка медвежат, и в этот день она не стала уходить далеко от холма, чтобы дать время немного затвердеть нежным подошвам на лапках Неевы. Почти все время они оставались около болотца и только заглянули в соседнюю чащу, где Нузак ободрала когтями молодое деревце, чтобы они могли полакомиться скрытой под корой сочной губчатой массой. Нееве очень понравился этот десерт после плотного обеда из луковиц и корней, и он попытался сам ободрать соседнее деревце. К вечеру Нузак наелась так, что ее бока стали совсем круглыми, а Неева, который, кроме материнского молока, перепробовал множество новых и вкусных вещей, стал похож на готовый лопнуть гороховый стручок. Ленивая старая Нузак выбрала нагретый заходящим солнцем белый валун и прилегла возле него вздремнуть, а Неева отправился искать приключений в одиночку и вскоре столкнулся со свирепым жуком.

Это был гигантский рогач, дюйма два длиной. Его грозные челюсти были иссиня-черными и загибались, как железные крючья. Ярко-коричневые жесткие крылья блестели на

солнце, точно металлическая броня. Неева припал к земле и не сводил глаз с жука. Сердце его отчаянно билось. Жук был от него в двух шагах и... двигался прямо на него. Это озадачило и возмутило Нееву. Все остальные живые существа, встреченные в этот день, убегали от него, а жук не захотел! Рогач двигался вперед, перебирая шестью ногами, и прищелкивал – это прищелкивание Неева расслышал очень хорошо. В медвежонке разыгралась воинственная кровь Суминитика, его отца, и он осторожно протянул вперед лапу. В тот же момент Чегавассе, жук, преобразился самым страшным образом: его крылья загудели, как круговая пила, челюсти раскрылись так, что могли бы защемить палец взрослого мужчины, и он весь завибрировал, словно исполняя боевой танец. Неева поспешно отдернул лапу, и несколько секунд спустя Чегавассе успокоился и... опять пошел вперед.

Неева, разумеется, не мог знать, что поле зрения жука не превышает четырех дюймов, а потому совсем растерялся. Однако сын такого отца, как Суминитик, даже в возрасте девяти недель никак не мог уступить победу без боя. С мужеством отчаяния Неева снова протянул лапу, и, к несчастью для него, один из его маленьких коготков опрокинул Чегавассе на спину и прижал к земле так, что жук уже не мог ни гудеть, ни щелкать. Медвежонка охватил неистовый восторг. Он принялся медленно-медленно подтягивать лапу к себе, и вскоре жук очутился прямо под его острыми зубками. И тут Неева понюхал свою добычу.

Чегавассе не упустил удобного случая. Мощные челюсти сомкнулись, и Нузак была внезапно разбужена отчаянным воплем. Она подняла голову и увидела, что Неева катается по земле словно в припадке. Он царапал землю, рычал и фыркал. Нузак несколько секунд задумчиво смотрела на сына, затем поднялась и направилась к нему. Большая материнская лапа перевернула Нееву на спину, и Нузак увидела, что в нос ее отпрыска впился Чегавассе. Распластав Нееву на спине, так что он не мог пошевелиться, Нузак захватила жука зубами и принялась медленно их сжимать, пока Чегавассе не разжал челюсти. И тогда она его проглотила.

До самых сумерек Неева старался утишить боль в носу. Когда начало смеркаться, Нузак привалилась к большой скале, и Неева плотно поужинал. А потом он свернулся в изгибе ее большой теплой лапы, словно в уютном гнезде. Нос у него все еще побаливал, но медвежонка счастливее его не нашлось бы на всем свете: после своего первого дня в лесу он чувствовал себя необыкновенно мужественным и бесстрашным, хотя от роду ему было всего девять недель. Он посмотрел мир, он увидел очень много нового, и если не сумел победить жука, то все равно показал себя с самой лучшей стороны.

Глава II

В эту ночь Неева перенес жестокий приступ «миступайю», или, проще говоря, у него сильно разболелся живот. Представьте себе, что младенец, привыкший только к материнскому молоку, вдруг накинется на бифштекс! А именно это и сделал Неева. Обычно такой переход к твердой пище происходит у медвежат постепенно и на месяц позже, но природа словно нарочно преподавала Нееве курс ускоренного обучения, как будто сознательно готовя его к той тяжелой и неравной борьбе, которая поджидала его в недалеком будущем. Несколько часов Неева вопил и хныкал, а Нузак массировала носом его вспученный животик; наконец его стошнило, и он почувствовал себя лучше.

После этого он крепко уснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, их ослепило красное пламя. Накануне солнце весь день было золотое, сверкающее, далекое, а теперь впервые он увидел, как оно встает над горизонтом весенним северным утром. Это солнце было алым, как кровь, и пока Неева смотрел, оно быстро поднималось из-за края земли, так что вскоре его срезанный низ закруглился и оно превратилось в огромный непонятный шар. Сначала медвежонок подумал, что это какое-то живое существо, какое-то чудовище, которое подбирается к ним по вершинам деревьев, и с негромким визгом вопросительно покосился на мать. Однако Нузак ничуть не испугалась таинственного шара. Ее большая голова была повернута к нему, и она довольно щурилась. В эту минуту и Неева ощутил приятное тепло, исходящее от алого шара, и, несмотря на пережитый испуг, блаженно заурчал. Вскоре солнце из алого снова стало золотым, и вся долина вновь наполнилась радостным биением жизни.

Еще две недели после этого первого солнечного восхода, который довелось увидеть Нееве, Нузак оставалась возле гряды каменистых холмов и целыми днями бродила вокруг болотца. Затем, когда Нееве исполнилось одиннадцать недель, она обратила нос в сторону далеких черных лесов и отправилась в летние странствия. Подошвы Неевы загрубели, и он весил уже добрых шесть фунтов – неплохая прибавка, если вспомнить, что в первый день его жизни его вес был меньше одного фунта.

Именно с того дня, как Нузак отправилась в свой поход, и начались настоящие приключения Неевы. В глухих таинственных чащах еще попадались сугробы, даже не начинавшие таять, и первые два дня Неева все время хныкал, тоскуя по солнечной долине. Они прошли мимо водопада, и Неева впервые узнал, с какой бешеной силой может мчаться вода. Все темнее, мрачнее и глуше становился лес, по которому шла Нузак. В этом лесу Неева получил первые охотничьи уроки. Нузак уже далеко углубилась в низины между хребтом Джексона и водоразделом, с которого берут начало притоки Шаматтавы. Ранней весной эти места превращаются в настоящий медвежий рай.

Когда Нузак не спала, она без устали разыскивала пищу – то копалась в земле, то переворачивала камни, то разламывала на мелкие кусочки гнилые стволы и пни. Любимым ее лакомством были, несмотря на их малую величину, крохотные серые лесные мыши, и Неева только дивился, видя, какими стремительными становились движения его старой, неуклюжей матери, когда ей попадался на глаза живой серый комочек. Иногда Нузак удавалось позавтракать целым выводком, прежде чем мыши успевали разбежаться. Кроме того, она поедала еще по-зимнему сонных лягушек и жаб, муравьев, которые валялись в древесной трухе скрюченные и неподвижные, а иногда и шмелей, шершней и ос. Неева, конечно, тоже перепробовал все эти медвежьи блюда. На третий день Нузак откопала большой смерзшийся ком зимующих укусных муравьев. Ком этот был величиной в два кулака взрослого мужчины, и Неева вдосталь полакомился кисловато-сладкими муравьями, которые показались ему удивительно вкусными.

По мере того как дни становились все теплее, съедобные существа, прятавшиеся под камнями и валежником, оживали и уже сами выбирались на свет. Теперь Неева познал волну-

ющую радость самостоятельной охоты. Он встретился еще с одним жуком и убил его. Он поймал свою первую лесную мышь. В нем стремительно развивались черты характера, унаследованные от Суминитика, его старого забияки-отца, который жил через три долины к северу от них и никогда не упускал случая затеять драку. Когда Нееве исполнилось четыре месяца – это произошло в конце мая, – он спокойно ел пищу, которую ни за что не смогли бы переварить желудки большинства медвежат его возраста, и от кончика его нахального носишки до кончика короткого хвоста в нем не нашлось бы ни капли трусости. Он весил в это время девять фунтов и был черен как трубочист.

Однако в первую неделю июня произошло роковое событие, которое положило начало великой перемене в судьбе Неевы, и случилось оно в такой теплый и ласковый солнечный день, что Нузак сразу же после обеда улеглась вздремнуть. К этому времени они уже выбрались из густых лесов и бродили по долине, в которой между длинных белых песчаных кос петляла по камушкам мелкая речушка. Нееве не спалось. У него не было никакого желания дремать в такой чудесный день. Он глядел на окружающий удивительный мир круглыми любопытными глазенками и слышал его неумолчный манящий зов. Он посмотрел на мать и взвизгнул. Ему по опыту было известно, что Нузак будет лежать так много часов, если только он не куснет ее за пятку или за ухо. Но и тогда она только заворчит на него и снова погрузится в сон. Это ему надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и с внезапной решимостью он в поисках приключений затрусил прочь от спящей Нузак.

В этом огромном золотисто-зеленом мире Неева был маленьким черным шариком, почти одинаковым в длину и в ширину. Он спустился к речке и поглядел через плечо. Отсюда он еще видел Нузак. Потом его лапы погрузились в мягкий белый песок широкого пляжа, и он забыл про мать.

Дойдя до конца пляжа, медвежонок вскарабкался по зеленому откосу, – молодая травка нежила его подошвы, как бархат. Тут он принялся переворачивать небольшие камни в поисках муравьев. Потом он испугнул земляную белку и двадцать секунд гнался за ней, почти не отставая. Несколько минут спустя прямо перед его носом вспрыгнул большой кролик, и он помчался за ним, но Вапуз в десять длинных прыжков добрался до зарослей и скрылся в них. Неева сморщил нос и визгливо зарычал. Никогда еще кровь Суминитика не бушевала в нем с такой силой. Ему не терпелось вцепиться во что-нибудь. Впервые в жизни ему хотелось подраться – все равно с кем. Он был похож на мальчишку, который получил в подарок на Новый год боксерские перчатки и не может найти себе противника. Неева присел на задние лапы и воинственно посмотрел по сторонам, все еще морща нос и вызывая рыча. Он победил весь свет. Это он знал хорошо. Все живое в мире боялось его матери. Все живое в мире боялось его самого. И вот результат – юному храбрецу не с кем помериться силами. Было от чего прийти в бешенство! Мир оказался довольно пресной и скучноватой штукой.

Неева повернул в другую сторону, вышел к большому камню и вдруг застыл на месте.

Из-за дальнего конца камня торчала большая задняя лапа. Несколько секунд Неева созерцал эту могучую лапу, полный приятного предвкушения. Сейчас он так цапнет мать, что она уже больше не уснет до самой ночи! Он заставит ее окунуться в радость этого прекрасного дня, или он будет не он! И Неева крадучись подобрался к лапе, выбрал удобную подушечку, не прикрытую шерстью, и погрузил в нее свои зубки до самых десен.

Раздался рев, от которого содрогнулась земля. Следует упомянуть, что укушенная лапа принадлежала вовсе не Нузак, а была собственностью Макуза, старого свирепого медведя, всегда отличавшегося на редкость скверным характером. С возрастом он стал особенно зол и в отличие от Нузак утратил всякое добродушие и мягкость. Макуз вскочил на ноги, прежде чем Неева успел сообразить, какую он совершил ошибку. Старый медведь был не только угрюм и злобен – он к тому же особенно ненавидел медвежат. На своем веку он, случалось, и закусывал ими. Короче говоря, Макуз был «учаном» – так индейцы-охотники называют медведей-канни-

балов, которые едят своих сородичей, и едва взгляд его налитых кровью глазок упал на Нееву, как он испустил новый рев.

Тут Неева напряг свои толстые лапки и во весь дух пустился наутек. Никогда еще он не бегал так быстро. Инстинкт подсказывал ему, что наконец-то он встретил существо, которое его не боится, и что ему грозит смертельная опасность. Неева бежал, не выбирая направления, потому что ошибка, которую он допустил, совсем его ошеломила и он совершенно не представлял, где находится его мать. Позади него раздавался топот Макуза, и он испустил отчаянный вопль, исполненный ужаса и мольбы о помощи. Нузак, любящая, мужественная мать, услышала этот вопль. Она вскочила на ноги – и как раз вовремя. Из-за камня, около которого она спала, выскочил Неева, точно черное пушечное ядро, а в десяти шагах за ним бежал, настигая его, Макуз. Уголком глаза Неева заметил мать, но с разгона проскочил мимо. И тут Нузак бросилась на Макуза. Как регбист, прорывающийся с мячом, она всем весом своего тела ударила старого разбойника в ребра, и два медведя покатались по земле в схватке, которая Нееве показалась чрезвычайно увлекательным и чудесным зрелищем.

Он остановился и начал наблюдать поединок своей матери с Макузом. Его выпуклые, как две луковички, глаза весело блестели. Все утро он жаждал подраться, но то, что он увидел теперь, ввергло его в настоящий столбняк. Два медведя сцепились в смертельном объятии: они ревели, драли друг друга когтями и зубами, расшвыривая камешки и землю. Сначала преимущество было на стороне Нузак: ее первый натиск оглушил Макуза, и теперь она стертymi, сломанными зубами сжимала его горло, а мощными когтями задних лап рвала его шкуру, так что по бокам старого злодея ручьями стекала кровь, и он ревел, как задыхающийся бык. Неева понял, что его преследователю приходится туго, и, возбужденным визгом подбодряя мать в надежде, что она задаст старому Макузу хорошую трепку, он подбежал к месту схватки, сморщил нос, с яростным рычанием оскалил зубы и принялся возбужденно приплясывать в пяти шагах от дерущихся, – дух Суминитика гнал его в бой, но одновременно ему было страшно.

Затем в положении бойцов неожиданно произошла перемена, и Неева в растерянности понял, что начал торжествовать слишком рано. Макуз, как самец, естественно, был более опытен в драках: внезапно он вырвал горло из челюстей Нузак, подмял ее под себя и, в свою очередь, принялся раздирать ее бока с таким бешенством, что бедная старая медведица жалобно застонала, и сердце Неевы оледенело от ужаса.

Что испытывает маленький мальчик, видя, как его отец терпит поражение? Конечно, он бросится ему на выручку и пустит в ход первую попавшуюся под руку палку. Всякий ребенок считает, что его родители – самые лучшие, самые умные, самые сильные люди на свете. А в Нееве было много общего с человеческими детенышами. Чем громче вопила его мать, тем острее он ощущал, что происходит неслыханная катастрофа. А если старость и лишила Нузак былой силы, мощь ее голоса осталась прежней, так что ее рев разносился, наверное, на целую милю. Неева не выдержал – ослепнув от ярости, он кинулся вперед. Совершенно случайно его крепкие маленькие челюсти сомкнулись на пальце именно Макуза, а не Нузак, но палец этот они пронзили, как два ряда острых булавок. Макуз дернул лапой, но Неева только крепче сжал челюсти. Тогда Макуз подогнул укушенную лапу и брыкнул ею так резко, что Неева, несмотря на всю свою решимость не размыкать зубов, взлетел в воздух, точно камень, пущенный из пращи. Описав крутую дугу, он стукнулся о валун шагах в десяти от дерущихся и был настолько оглушен, что несколько секунд никак не мог подняться на ноги. Наконец в глазах у него прояснилось, он поглядел на мать и на Макуза, и его сердце снова отчаянно забилося.

Макуз уже не дрался – он улепетывал с поляны во все лопатки, заметно припадая на заднюю лапу.

Бедная старая Нузак стояла пошатываясь и глядела вслед убегающему врагу. Она задыхалась, как загнанная лошадь. Ее пасть была широко открыта, язык высунут. С ее боков на землю стекали струйки крови. Макуз умело измывал ее и искалечил. С первого взгляда можно

было увидеть, что она потерпела решительное поражение. Но великолепное зрелище обращенного в бегство врага заслонило от Неевы все остальное. Макуз позорно покинул поле боя! Следовательно, побежден был именно он. И, ликующе повизгивая, Неева кинулся к матери.

Глава III

Они стояли, облитые жарким солнцем июньского дня, и смотрели, как Макуз торопливо взбирается на откос по ту сторону речки. В эту минуту Неева чувствовал себя старым закаленным бойцом, а вовсе не пузатым медвежонком с круглой мордочкой, которому едва исполнилось четыре месяца и который весит не четыреста фунтов, а всего девять.

Однако после того как Неева сжал свирепыми зубками нежный палец Макуза, прошло еще немало времени, прежде чем Нузак настолько отдышалась, что смогла издать глухое ворчание. Ее бока раздувались, как кузнечные мехи, и, когда Макуз исчез в зарослях на другом берегу речки, Неева присел на толстые задние лапы, насторожил смешные круглые ушки и обеспокоенно уставился на мать круглыми блестящими глазами. Нузак с хриплым стоном повернулась и медленно побрела к большому валуну, возле которого она спала, когда ее разбудили панические вопли Неевы. Ей казалось, что все ее старые кости перебиты или вывихнуты. Она брела, хромя, припадая к земле и постанывая, а позади нее по зеленой траве тянулись цепочки кровавых пятен. Макуз отделал ее самым беспощадным образом.

Нузак со стоном легла и поглядела на Нееву, словно говоря: «Если бы не твои проказы, старый разбойник не взбесился бы и ничего этого не произошло бы! А теперь только погляди, что случилось со мной!»

Молодой медведь быстро оправился бы после подобной драки, но Нузак пролежала без движения весь вечер и всю ночь. А такой красивой ночи Неева еще не видел. Теперь, когда ночи стали теплыми, он полюбил луну еще больше, чем любил солнце, потому что по своей природе, по всем своим инстинктам был более ночным бродягой, чем дневным охотником. Луна встала на востоке в золотистом ореоле. Купы елей и сосен казались темными островками в море серебряного света, а речка, петляя по озаренной луной долине, блестела и прыгала по камням, словно живое существо. Но Неева хорошо запомнил преподанный ему урок, и, как ни манили его луна и звезды, он только теснее прижимался к матери, слушал доносившийся до него прихотливый хор ночных голосов и не двигался с места.

Когда забрезжил рассвет, Нузак встала, тихим ворчанием приказала Нееве следовать за собой и начала медленно подниматься по склону к озаренному солнцем гребню. Ей вовсе не хотелось двигаться, но где-то в глубине ее сердца прятался страх, что злобный старый Макуз вернется – она понимала, что теперь он легко с ней справится, а потом позавтракает Неевой. Вот почему она принудила себя перебраться через гребень, пересечь еще одну долину и сквозь узкую, похожую на дверь расселину выбраться в просторы холмистой равнины, где среди еловых и кедровых лесов на лугах блестели озера. Всю прошлую неделю Нузак неторопливо направлялась к одной из речек на этой равнине, а теперь, подгоняемая маячившей сзади грозной тенью Макуза, она трусила без отдыха, и короткие толстые лапки Неевы подгибались от усталости.

До речки они добрались далеко за полдень, и Неева был так измучен, что еле взобрался на елку, на которую мать послала его вздремнуть. Отыскав удобный развилок, он крепко уснул, а Нузак спустилась к воде, чтобы заняться рыбной ловлей.

Речка кишела чукучанами¹, которые после метания икры не сумели выбраться через отмели, и час спустя Нузак уже устала рыбами весь берег. Когда с наступлением сумерек Неева покинул свою воздушную колыбель, его ждал роскошный ужин, а сама Нузак успела наесться так, что стала похожа на бочку. Неева впервые в жизни попробовал рыбу. И после этого он целую неделю наслаждался этим изысканным лакомством. Он ел рыбу утром, днем и

¹ Североамериканская пресноводная рыба, родственная нашему карпу; для метания икры чукучаны уходят в мелкие речки и ручьи.

вечером, а когда был уже не в силах проглотить ни кусочка, то валялся на рыбах, как на матрасе. И Нузак тоже обжиралась рыбой – казалось, шкура на ней вот-вот лопнет. Куда бы они ни шли, они несли с собой рыбный запах, который день ото дня становился все более резким и потому все больше нравился Нееве и его матери. Неева опять начал походить на перезрелый стручок. За эту неделю рыбных пиршеств он прибавил три фунта. Сосать материнское молоко ему уже больше не приходилось, потому что Нузак была слишком стара и молоко у нее совсем иссякло.

Под вечер восьмого дня Неева и его мать улеглись на краю травянистой лужайки, чтобы хорошенько поспать после дневного обжорства. Во всех здешних местах не сыскать было медведицы счастливей старой Нузак. Теперь ей уже не приходилось с утра до ночи отыскивать пищу – бочаги речки хранили неисчерпаемые запасы вкуснейшей еды, и никакой другой медведь не посягал на ее владения. Она полагала, что может рассчитывать на безмятежное существование в своих богатых охотничьих угодьях, пока речка не вздуется от летних гроз, а к тому времени должны были поспеть ягоды. И Неева, счастливый маленький гурман, сладко дремал рядом с ней.

Но в этот самый день, освещенный лучами того же самого заката, милях в пяти-шести ниже по речке какой-то человек, стоя на четвереньках, рассматривал полосу влажного песка. Его закатанные к самым плечам рукава открывали темные от загара руки. Шляпы на нем не было, и вечерний ветерок взлохмачивал густую гриву белокурых волос, которые вот уже девять месяцев подравнивались только с помощью охотничьего ножа.

С одного бока этого человека стояло жестяное ведро, а с другого, глядя на человека с неутолимым любопытством, сидел такой некрасивый и такой симпатичный щенок, какой только мог родиться от отца – гончей маккензи – и матери, в жилах которой текла кровь эрдель-терьера и шпица.

Результатом подобного смещения могла быть лишь просто дворняга. Его вытянутый на песке хвост был очень длинным, с узлом на каждом суставе; лапы, крупные, точно ступни договязого подростка, походили на миниатюрные боксерские перчатки; голова у него была в три раза больше, чем полагалось бы такому туловищу, а к тому же на помощь природе в ее творческих усилиях пришел несчастный случай, лишивший этот шедевр половины уха. Уцелевшая половина в эту минуту стояла торчком, а другое, целое, ухо загибалось вперед, выражая неистовый интерес к тому, чем занимался хозяин. Голову, лапы и хвост щенок унаследовал от отца-маккензи, но его уши и худое поджарое тело возникли в результате битвы, разыгравшейся между кровью шпица и кровью эрдельтерьера. Добавьте ко всему этому детскую неуклюжесть, и вы получите такого щенка-дворняжку, какого нелегко отыскать даже в трущобах большого города.

Впервые за несколько минут хозяин нарушил молчание, и Мики завилял всем телом, от кончика хвоста до кончика носа, в восторге от того, что эти слова были обращены непосредственно к нему.

– Это медведица с медвежонком, Мики, можешь не сомневаться, – сказал хозяин. – И если я хоть как-то разбираюсь в медвежьих повадках, они провели тут добрую часть дня.

Он поднялся на ноги, поглядел на сгущающийся сумрак у лесной опушки и набрал в ведро воды. Последние лучи солнца на несколько секунд озарили его лицо – волевое и веселое. Сразу было видно, что в этом человеке ключом бьет радость жизни. А теперь к тому же ему в голову пришла счастливая мысль, и в его глазах сверкали не только отблески заката, когда он добавил:

– Мики, я везу тебя, нескладеныша, к моей девчужке, потому что ты – неотполированный алмаз добродушия и красоты, и за это она непременно тебя полюбит. Уж это-то я знаю твердо, недаром она – моя сестра. Так вот: если вместе с тобой я прихвачу еще и медвежонка...

Насвистывая, он понес ведро к еловой поросли шагах в сорока от них. Мики следовал за ним по пятам.

Чэллонер, недавно назначенный на одну из факторий Компании Гудзонова залива, устроил свой лагерь на берегу озера, неподалеку от устья реки. Это был самый простенький лагерь – заплатанная палатка, выдавший виды челнок и кучка пожитков. Но взгляду опытного лесовика стоянка Чэллонера, озаренная последними отблесками заката, сказала бы очень много. Он увидел бы снаряжение мужественного человека, который побывал на самом краю света и теперь возвращался с тем, что еще уцелело. Чэллонер испытывал почти дружескую теплоту к этим остаткам вещей, которые почти год помогали ему бороться с трудностями и лишениями. Челнок покоробился, был в нескольких местах пробит и хранил следы многочисленных починок; бури и дым костров так вычернили палатку, что цветом она больше всего напоминала древесный уголь, а сумки для провизии были почти пусты.

Над костром, к которому он вернулся с Мики, что-то ворчал и бурлило в котелке и на сковородке, а рядом с костром, в помятой и кое-как выправленной железной духовке, уже покрылся аппетитной коричневой корочкой пресный хлебец из муки, замешенной на воде. В котелке бурлил кофе, а на сковороде жарилась рыба.

Мики присел на костлявые задние лапы, упиваясь благоуханием рыбы. Он уже давно открыл, что предвкушение еды приносит почти столько же удовольствия, как и сама еда. Щенок внимательно следил за Чэллонером, завершавшим последние приготовления к ужину, и его глаза блестели, как два рубина. Каждые две-три секунды он облизывался и сглатывал голодную слюну. Мики потому и получил свою кличку, что постоянно был голоден и как будто ничуть не насыщался, каким бы обильным обедом его ни угощали. Казалось, живот его всегда был пуст, как барабан, а «мики» на языке индейцев кри и значит «барабан».

Когда они съели рыбу и хлебец, Чэллонер закурил трубку и только после этого заговорил о своих намерениях.

– Завтра я выслежу эту медведицу, – сказал он.

Мики, который свернулся в клубок возле угасающих углей, сильно ударил хвостом по земле, показывая, что он внимательно слушает.

– Я думаю подарить девчушке не только тебя, а еще и медвежонка. Вот она обрадуется!

Мики снова забил хвостом, словно говоря: «Ну и отлично!»

– Нет, ты только подумай! – продолжал Чэллонер, глядя через голову Мики на родной дом, от которого его отделяла добрая тысяча миль. – Прошло уже четырнадцать месяцев, и мы наконец возвращаемся к себе домой. Я и тебя и медвежонка обучу всему, что положено, чтобы вы не осрамились перед моей сестричкой. Тебе это придется по вкусу, верно? Ты ее не знаешь, а то бы ты сейчас не сидел, уставясь на меня, точно деревянная игрушка! И где тебе, глупышу, вообразить, какая она красавица! Вот ты видел сегодняшний закат? Так она еще красивее, и я говорю это не потому, что она мне сестра. Хочешь что-нибудь добавить, Мики? Нет? Ну так позвольте пожелать вам спокойной ночи. Пора и на боковую.

Чэллонер встал и потянулся так, что у него затрещали кости. Его переполняла радость бытия.

Мики перестал стучать хвостом, тоже поднялся на свои неуклюжие лапы и последовал за хозяином в палатку.

Ранний летний серый рассвет только-только занимался, когда Чэллонер вылез из палатки и раздул костер. Мики выбрался наружу через несколько минут после хозяина, и тот обвязал его шею истертой веревкой, а другой конец веревки обмотал вокруг молодого деревца и туго затянул узел. Другую такую же веревку Чэллонер привязал к углам продовольственной сумки, чтобы ее можно было надеть на плечи, как рюкзак. Едва небо порозовело, он уже отправился выслеживать Нузак и Нееву. Мики, обнаружив, что его оставили одного в лагере, отчаянно заскулил, и когда Чэллонер оглянулся, он увидел, что щенок рвется с привязи так отчаянно,

что то и дело кувyrкается через голову. Только отойдя на целую четверть мили, Чэллонер наконец перестал слышать протестующие вопли Мики.

Чэллонер отправился на эту охоту не только ради удовольствия и не только потому, что ему захотелось, кроме Мики, обзавестись еще и медвежонком. Запас мяса у него кончился, а медвежати́на в эту пору года бывает очень вкусной. А главное, ему совершенно необходимо было пополнить запас жира. «Если удастся подстрелить эту медведицу, – думал он, – то до конца пути можно будет не тратить времени на охоту, а это сэкономит мне несколько дней».

Только в восемь часов Чэллонер наконец обнаружил несомненно свежие следы Нузак и Неевы. У этого мыска Нузак ловила рыбу дней пять-шесть назад, и накануне они вернулись сюда, чтобы полакомиться «дозревшей» добычей. Чэллонер обрадовался. Он не сомневался, что найдет медведицу где-нибудь чуть выше по речке. Ветер дул ему навстречу, и он начал осторожно пробираться вперед, держа ружье наготове. Он шел неторопливым, ровным шагом около часа, внимательно прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся из зарослей перед ним, и стараясь не упустить в них ни одного подозрительного движения. Время от времени он облизывал палец и поднимал его вверх, проверяя, не переменял ли ветер направления. В сущности, эта охота не требовала особой хитрости. Все и так складывалось в пользу Чэллонера.

Там, где долина расширялась и речка разбивалась на десяток узких рукавов, по песчаным и галечным отмелям лениво бродили Неева и его мать, намереваясь наловить себе на завтрак раков. Мир еще никогда не казался Нееве таким прекрасным. От солнечного тепла мягкая шерсть на его спине распушилась, как у мурлыкающей кошки. Ему очень нравилось чавканье мокрого песка под его подошвами и напевное щекотное журчание струй вокруг его лап. Ему очень нравился сложный хор звуков вокруг – шелест ветра, вздохи, доносившиеся с вершин елей и кедров, лепет речки, чириканье воробьев, переключка певчих птиц и больше всего – негромкое ворчание матери.

И на этих залитых солнцем отмелях Нузак внезапно почуяла приближение опасности. Весть о ней принес переменявший направление ветер, – старая медведица уловила запах человека!

Нузак тотчас застыла как каменное изваяние. Глубокий рубец на ее плече был памяткой о ране, которую она получила много лет назад, почти сразу же после того, как почуяла этот запах – запах единственного врага, которого она боялась. Вот уже три года ее ноздри не улавливали его присутствия, и она почти забыла о существовании этого врага. И теперь его запах, неожиданно принесенный ветром, совсем ее парализовал – он был таким сильным и страшным!

Тут и Неева словно почувствовал близость смертельной опасности. Он застыл черным шариком на белом песке в двухстах шагах от Чэллонера, не сводя глаз с матери, – его чуткий нос напряженно пытался опознать угрозу, которой был пронизан воздух.

Затем раздался звук, какого он еще никогда не слышал: оглушительный, отрывистый треск, чем-то похожий на гром, и все-таки не гром, и тут же он увидел, что его мать подскочила на месте и тяжело осела на передние лапы. Затем она поднялась и испустила отчаянное протяжное «у-уф!», – он никогда не слышал этого сигнала, но понял, что она велит ему бежать со всех ног, спасая жизнь.

Подобно всем заботливым и любящим матерям, Нузак, забывая о себе, думала только о том, как спасти своего детеныша. Протянув лапу, она внезапно толкнула Нееву, и он припустился бежать к лесу. Нузак побежала за ним. Раздался второй выстрел, и над самой ее головой что-то пронзительно и страшно свистнуло. Но Нузак не ускорила бега. Она держалась позади Неевы и подгоняла его, а брюхо ее разрывала жгучая боль, словно в него вонзался раскаленный железный прут. Третья пуля Чэллонера зарылась в землю под лапой Нузак, когда они были уже у самой опушки.

Еще мгновение – и они скрылись за спасительной стеной деревьев. Инстинкт гнал Нееву в самую густую чащу, а быстро слабеющая Нузак из последних сил торопила его сзади. В ее старом мозгу сгушался страшный черный сумрак, который начинал застилать ей глаза, и она поняла, что ее жизненный путь кончается здесь. Позади осталось двадцать лет, впереди она могла рассчитывать лишь на несколько минут, купленных отчаянным напряжением всего ее существа. Она остановила Нееву под большим кедром и, как делала это много раз прежде, велела ему взобраться по стволу. На миг ее горячий язык с последней лаской коснулся его мордочки, а потом она повернулась, чтобы дать свой последний безнадежный бой.

Она поплелась навстречу Чэллонеру, но в двадцати шагах от кедра остановилась в ожидании, низко опустив голову. Ее бока тяжело вздымались, зрение совсем отказывалось служить, и вот с судорожным вздохом она упала на землю, преграждая путь врагу. Быть может, она на мгновение увидела золотые луны и жаркие солнца всех ее ушедших двадцати лет, быть может, она вновь услышала чудесную нежную музыку весны, сплетающуюся с извечной песней жизни, и в награду за материнскую самоотверженность смерть ее была безболезненна и легка.

Когда Чэллонер подошел к старой медведице, она была мертва. С укромной развилки, спрятанной высоко среди могучих ветвей кедра, Неева смотрел вниз, на первую страшную трагедию своей жизни и на приближающегося человека. При виде этого двуногого зверя он еще плотнее прижался к суку, и его сердчишко готово было разорваться от неизъяснимого ужаса. Он ни о чем не думал. И не разум подсказал ему, что произошло непоправимое и что причиной тому было это двуногое существо. Его маленькие глазки поблескивали над самой развилкой. Он не понимал, почему его мать не встает и не бросается на этого нового врага. Несмотря на свой испуг, он был готов свирепо зарычать, только бы она проснулась; он готов был спуститься с дерева и помочь ей победить, как тогда в схватке со старым разбойником Макузом. Но огромное тело Нузак застыло в неподвижности – она не шевельнулась, даже когда Чэллонер нагнулся над ней. Последняя искра жизни уже угасла в старой медведице.

Лицо Чэллонера раскраснелось от охотничьего азарта. Он убил Нузак не ради забавы. Теперь он получил великолепную шкуру и достаточный запас мяса, чтобы без задержек добраться до цивилизованных мест. Прислонив ружье к дереву, Чэллонер начал искать медвежонка. Он достаточно хорошо разбирался в звериных повадках и знал, что далеко от матери медвежонок уйти не мог, а потому принялся осматривать соседние заросли и большие деревья.

Неева во время этих поисков испуганно скорчился на своей развилке за завесой ветвей, стараясь стать как можно меньше. Через полчаса Чэллонер разочарованно махнул рукой и направился к речке, чтобы напиться перед тем, как освежевать свою добычу, – работа обещала быть нелегкой.

Едва он скрылся из виду, как Неева настороженно высунул мордочку из-за сука. Подождав несколько секунд, медвежонок спиной вперед соскользнул по стволу кедра на землю. Он испустил призывное повизгивание, но мать не шевельнулась. Он подошел к ней и остановился возле ее неподвижной головы, втягивая в ноздри воздух, пропитанный страшным запахом человека. Потом он потерся щекой о щеку матери, подсунул нос под ее шею и, наконец, укусил ее за ухо – решительное средство, к которому он прибегал, когда желал разбудить ее во что бы то ни стало. Он ничего не понимал. Жалобно поскуливая, он взобрался на большую мягкую спину матери и прильнул к ней. Его поскуливание становилось все более тоскливым, а потом из его горла вырвался жалобный плач, удивительно похожий на плач ребенка.

Чэллонер, уже возвращавшийся от речки, услышал этот жалобный вопль, и внезапно его сердце мучительно сжалось. Ему приходилось слышать, как плакали осиротевшие дети, и этот медвежонок, лишившийся матери, плакал точно так же.

Осторожно подкравшись к телу Нузак под прикрытием разлапистой карликовой ели, он увидел Нееву на спине мертвой медведицы. За свою жизнь Чэллонер убил немало зверей, потому что убивать их и скупать шкуры зверей, убитых другими людьми, было его профес-

сией. Но ничего подобного ему еще не доводилось видеть, и у него возникло такое ощущение, словно он совершил преступление.

– Ах ты бедняга! – прошептал он. – Но что ж теперь сделаешь?

Можно только пожалеть...

Эти слова прозвучали как просьба о прощении. Но раз дело было уже начато, необходимо было довести его до конца – ничего другого Чэллонеру не оставалось.

И вот так тихо, что Неева не услышал его шагов, он подкрался к нему с подветренной стороны. Медвежонок заметил опасность, когда Чэллонер был от него всего в пяти шагах. И не успел он опомниться и спрыгнуть со спины матери, как охотник накинул на него сумку для провизии.

Следующие пять минут были, пожалуй, самыми бурными пятью минутами в жизни Чэллонера. Горе и страх Неевы отступили на второй план – в нем разыгралась кровь свирепого старого Суминитика, его отца. Он царапался, кусался, бил лапами и рычал. В течение этих пяти минут он дрался, как пять дьяволят, вселившихся в одного медвежонка, и когда Чэллонер наконец обвязал веревку вокруг его шеи и запихнул толстенькое тельце Неевы в сумку, его руки были покрыты глубокими кровоточащими царапинами.

Однако и в сумке Неева продолжал буйствовать, пока совсем не обессилел, а Чэллонер тем временем освежевал старую медведицу и срезал с ее туши мясо и жир, которые были ему нужны, чтобы продолжать путь без больших задержек. Оценив достоинства шкуры Нузак, Чэллонер довольно улыбнулся, затем завернул в нее жир и мясо, перевязал сверток сыромятным ремнем и вскинул на спину, словно заплечный мешок. Сгибаясь под тяжестью этой ноши, он поднял с земли ружье... и Нееву. В путь к своему лагерю он двинулся в разгар дня, а добрался туда на закате. Всю дорогу Неева сопротивлялся с упорством спартанского воина и затих, только когда до стоянки оставалось не более полумили.

Но теперь медвежонок лежал в сумке из-под провизии обмякнув, еле живой, и когда Мики подозрительно обнюхал его «тюрьму», он даже не шевельнулся. Все запахи теперь казались Нееве одинаковыми, и он не различал звуков, но и Чэллонер еле держался на ногах. Каждая мышца, каждая косточка в его теле болела или ныла на свой лад. И все-таки на его потном, перепачканном лице играла гордая улыбка.

– Ну и храбрый же ты, чертенок! – сказал он, глядя на неподвижный мешок и впервые за весь день набивая трубку. – Ах ты чертенек, чертенок!

Он привязал конец веревки, обмотанной вокруг шеи Неевы, к молодому деревцу и принялся осторожно развязывать сумку. Потом он вывалил Нееву на землю и отступил на несколько шагов. В эту минуту Неева был готов заключить с Чэллонером перемирие, но когда, оказавшись на земле, он раскрыл полуслепшие глаза, то увидел перед собой вовсе не Чэллонера. Он увидел Мики, который, повиная всем телом от с недавнего его любопытства, как раз вознамерился обнюхать неожиданного гостя!

Глазки Неевы загорелись злобным огнем. А вдруг этот нескладный корноухий детеныш двуногого зверя тоже враг? А вдруг подергивания неизвестного существа и широкие взмахи его хвоста – это вызов на бой? Неева истолковал их именно так. Во всяком случае, перед ним был противник одного с ним роста, и, натянув веревку до предела, он во мгновение ока набросился на щенка. Мики, всего секунду назад полный самых дружеских чувств, был опрокинут на спину. Он отчаянно болтал своими нелепыми лапами и призывал на помощь, пронзительным визгом нарушая безмятежное безмолвие золотого вечера.

Чэллонер не мог сдвинуться с места от удивления. Через секунду он опомнился и собирався уже разнять драчунов, но его вмешательство не понадобилось, Неева, стоявший над Мики, который задрал все четыре лапы в воздух, словно сдаваясь на милость победителя, медленно выпустил из зубов загривок щенка. Он снова увидел перед собой двуногого зверя. Инстинкт, несравненно более могучий, чем его примитивные мыслительные процессы, заста-

вил его застыть без движения, вперяя глазки-бусины в лицо Чэллонера. Мики заболтал ногами в воздухе, тихонько взвизгнул и застучал хвостом по земле, словно прося пощады; потом он облизнулся и заерзал, как будто объясняя Нееве, что у него не было никаких дурных намерений. Неева, не спуская глаз с Чэллонера, вызывающе зарычал и медленно отступил от Мики. Но Мики, боясь пошевелиться, продолжал лежать на спине и болтать лапами.

Чэллонер вне себя от удивления тихонько попятился к палатке, залез в нее и продолжал наблюдать за медвежонком и щенком сквозь прореху в брезенте.

Свирепое выражение сошло с мордочки Неевы. Он поглядел на щенка. Возможно, какой-то глубоко скрытый инстинкт подсказывал ему, что маленьким детям нужны братья и сестры – нужны товарищи для веселых игр. И Мики, вероятно, почувствовал перемену в настроении мохнатого черного звереныша, который еще минуту назад был его врагом. Он испуганно забил хвостом по земле и замахал на Нееву передними лапами. Затем он с некоторой опаской перекатился на бок. Неева не шевельнулся. Мики радостно завилял всем телом.

И Чэллонер, наблюдавший за ними сквозь прореху в брезенте, увидел, как они осторожно обнюхали друг друга.

Глава IV

Вечером поднялся северо-восточный ветер и пошел мелкий холодный дождь. На заре Чэллонер вылез в промозглую утреннюю сырость, чтобы развести костер, и увидел, что Неева и Мики спят, тесно прижавшись друг к другу, в неглубокой яме под корнем большой ели. Первым человека увидел медвежонок, и в течение нескольких секунд, прежде чем проснулся щенок, блестящие глаза Неевы были устремлены на непонятного врага, который невозвратно изменил его прежний мир. Он был так измучен, что крепко проспал всю первую ночь своего плена и за долгие часы сна успел позабыть о многом. Но теперь он вспомнил все события прошлого дня и, забившись глубже под корень, тихим визгом позвал мать – таким тихим, что его уловил только Мики.

Это повизгивание и разбудило щенка. Мики медленно выпутался из клубка, в который свернулся ночью, потянулся, разминая длинные нескладные ноги, и зевнул так громко, что Чэллонер услышал этот зев. Человек обернулся и увидел, что из ямы у корней большой ели на него смотрят две пары глаз. Целое ухо щенка и обрубок второго встали торчком, и он приветствовал хозяина залихватским радостным лаем, в который вложил все свое необузданное добродушие. Бронзовое лицо Чэллонера, выдубленное ветрами и метелями Севера, мокрое от серой измороси, расплылось в ответной улыбке, и Мики выбрался из ямы, извиваясь всем телом и выделявая несуразные кренделя в попытке выразить то безмерное счастье, которым преисполнила его улыбка хозяина.

Теперь, когда в его распоряжении оказалась вся яма, Неева забился в дальний ее угол, – только его круглая голова торчала оттуда, и из этой крепости, обещавшей хотя бы временную безопасность, он злобным, испуганным взглядом следил за убийцей своей матери.

Перед ним снова с невыносимой ясностью развертывалась вчерашняя трагедия: залитая солнечным светом отмель, на которой они с Нузак мирно ловили раков, когда неведомо откуда появился этот двуногий зверь, удар какого-то странного грома, их бегство к лесу и завершение всего – последняя попытка Нузак остановить врага. Однако теперь, утром, наиболее мучительным было воспоминание не о гибели матери, а о его собственном ожесточенном сопротивлении двуногому зверю и о черной душной сумке, в которой Чэллонер принес его в лагерь. А Чэллонер в эту минуту как раз поглядывал на свои исцарапанные руки. Потом он шагнул к ели и улыбнулся Нееве той же дружеской улыбкой, какой недавно улыбался Мики, неуклюжему щенку.

Глазки Неевы зажглись красным огнем.

– Я же объяснил тебе вчера, что жалею об этом, – сказал Чэллонер, словно обращаясь к человеку.

В некоторых отношениях Чэллонер совсем не походил на типичного обитателя северного края. Например, он верил в особые свойства мозга животных и был убежден, что у животного, если с ним разговаривать и обращаться как с товарищем-человеком, может развиться особая способность воспринимать и понимать сказанное, которую он весьма ненаучно считал разумом.

– Я объяснил тебе, что жалею об этом, – повторил он, присаживаясь на корточки всего в двух шагах от корня, из-под которого выглядывали яростные глазки Неевы. – И я правда жалею. Я жалею, что убил твою мать. Но нам было нужно мясо и жир. Что поделаешь! А мы с Мики постараемся возместить тебе твою потерю. Мы возьмем тебя с собой к моей сестренке, и если ты ее не полюбишь, значит, ты самый последний бессердечный чурбан и вообще не заслуживаешь, чтобы у тебя была мать. Вы с Мики будете расти как братья. Его мать тоже умерла – сдохла от голода, а это намного хуже, чем сразу умереть от пули. И я нашел Мики

совсем как тебя: он тоже прижимался к ней и плакал, словно ему не для чего было больше жить. Ну так смотри веселей и дай лапу. Давай обменяемся рукопожатием.

Чэллонер протянул руку. Неева не шелохнулся. Всего несколько секунд назад он зарычал бы и оскалил бы зубы. Но теперь он сохранял полную неподвижность. Такого странного зверя ему еще никогда не приходилось видеть. Вчера этот двуногий не причинил ему никакого вреда – только посадил в сумку. И теперь он тоже, по-видимому, не замыслил ничего дурного. Более того: в звуках, которые он выпускал, не было ничего враждебного или неприятного. Неева покосился на Мики. Щенок протиснул морду между колен Чэллонера и глядел на медвежонка с глубоким недоумением, словно спрашивая: «Ну, чего ты сидишь под корнем? Почему не вылезешь помочь с завтраком?»

Рука Чэллонера придвинулась ближе, и Неева совсем вжался в дальнюю стенку ямы. И тут произошло чудо. Лапа двуногого зверя коснулась его головы, и от этого по всему его телу пробежала непонятная, томительная дрожь. Однако лапа не причинила ему никакой боли. Если бы он не затиснулся в тесный угол, он постарался бы укунить ее и исцарапать. Но теперь он просто не имел возможности пошевелиться.

Чэллонер медленно сдвигал пальцы на загривок Неевы, где кожа лежала свободными складками. Мики, догадываясь, что сейчас должно произойти что-то необычайное, внимательно следил за всеми действиями хозяина. И вот пальцы Чэллонера сомкнулись, быстрым движением он извлек Нееву на свет божий и продолжал держать в воздухе на вытянутой руке. Неева вскидывал лапами, извивался и так вопил, что Мики из дружеского сочувствия принялся выть, и вдвоем они подняли совсем уж оглушительный шум. Через полминуты Чэллонер снова посадил Нееву в сумку, но на этот раз он оставил его голову снаружи, крепко стянув тесемки и для верности обмотав шею медвежонка сыромятным ремнем. Таким образом, три четверти Неевы находились в плену и только голова осталась на свободе. Одним словом, он был живой иллюстрацией к пословице, что медвежонка в мешке не утаишь.

Оставив Нееву возмущенно кататься по земле, Чэллонер занялся приготовлением завтрака. Однако Мики, против обыкновения, не следил за ним голодными глазами: щенок нашел зрелище, показавшееся ему более интересным, чем даже увлекательная процедура стряпни. Мики крутился возле Неевы, смотрел, как он бьется в мешке, слушал его вопли и, полный сочувствия, тщетно пытался как-то помочь ему. В конце концов Неева затих, а Мики сел возле него и посмотрел на хозяина если и не с прямым осуждением, то, во всяком случае, с горьким недоумением.

Серые тучи уже начинали розоветь и редеть, обещая ясный день, когда Чэллонер был наконец готов вновь отправиться в путь на юг. Он уложил в челнок весь свой багаж, а потом очередь дошла и до Мики с Неевой. На носу он из шкуры старой медведицы устроил мягкое гнездо, а затем подозвал Мики и обвязал его шею концом старой веревки, а другой ее конец завязал вокруг шеи Неевы. В результате и медвежонок и щенок оказались на одной сворке длиной в ярд. Ухватив их обоих за загривок, Чэллонер отнес их в лодку и положил в гнездо, которое устроил из медвежьей шкуры.

– Ну, малыши, ведите себя прилично! – предупредил он их. – Сегодня нам надо сделать не меньше сорока миль, чтобы наверстать время, потерянное вчера.

Когда челнок покинул заводь, над восточным горизонтом из туч вырвался сноп солнечных лучей.

Глава V

За те несколько секунд, которые потребовались, чтобы челнок плавно заскользил по широкой глади озера, в Нееве произошла поразительная перемена. Чэллонер ее не заметил, а Мики не осознал. Однако каждая жилка в теле Неевы трепетала и сердце колотилось, как в тот замечательный день, когда его мать победила в драке старого Макуза. Медвежонку казалось, что вот-вот все пойдет по-прежнему, все утраченное вернется – ведь он чуял запах своей матери! Он скоро обнаружил, что ее запах был особенно свеж и силен в мохнатой штучке, которая лежала под ним, и поглубже вжался в нее, распластавшись на толстом пузике и поглядывая на Чэллонера из-за сложенных лап.

Ему никак не удавалось понять и связать эти две вещи – двуногий зверь на корме гнал челнок по воде, а он в то же время ощущал под собой спину матери, теплую и мягкую, но почему-то совсем неподвижную. И он не сумел сдержаться – тихим и горестным повизгиванием он позвал мать. Но ответа не последовало. Только Мики сочувственно заскулил – так ребенок начинает плакать, если видит слезы приятеля. А мать Неевы не пошевелилась. Не ответила. Да он и не видел ее – тут была только ее черная мохнатая шкура. Без головы, без лап, без больших голых пяток, которые он любил щекотать, и без ушей, которые он любил покусывать. Тут не было от нее ничего, кроме свертка черной шкуры и... запаха!

И все-таки испуганное маленькое сердце Неевы находило утешение и в этом. Он ощущал близость непобедимой силы, которая охраняла его. Тепло солнечных лучей распушило шерсть медвежонка; он опустил коричневый нос между передними лапами и сунул его в материнский мех. Мики тоже положил голову на передние лапы и внимательно следил за своим новым приятелем, словно пытаясь разгадать его тайну. В его смешной голове, увенчанной одним целым ухом и одной половинкой уха и украшенной щетинистыми бакенбардами, которые он унаследовал от деда-эрделя, шла напряженная работа. Вначале он встретил Нееву как друга и товарища, а тот вместо благодарности задал ему хорошую трепку. Впрочем, это Мики готов был простить и забыть. Но вот полнейшего равнодушия Неевы к его персоне он простить не мог. Медвежонок просто не замечал его неуклюжих изъявлений симпатии и сочувствия. Когда он лаял, прыгал, припадал к земле и извивался всем телом, дружески приглашая его поиграть в пятнашки или просто устроить веселую возню, Неева только смотрел на него непонимающими глазами, как дурачок. Возможно, Мики проникся убеждением, что Неева вообще ничего, кроме драк, не любит. Во всяком случае, прошло много времени, прежде чем он предпринял новую попытку завязать дружбу с медвежонком.

Произошло это спустя несколько часов после завтрака, когда солнце было уже на полпути к зениту. Неева все еще лежал не шевелясь, и Мики невыносимо скучал. Ночной дождь остался лишь неприятным воспоминанием – в синем небе над их головами не было ни облачка. Челнок уже давно покинул озеро, и Чэллонер гнал его теперь по прозрачной речке, которая вилась по южному склону водораздела, пролегающего между хребтом Джексона и Шаматтавой. Чэллонер никогда прежде не плавал по этой речке, вытекавшей из озера, и, опасаясь водопада или порогов, он внимательно вглядывался в даль и все время был начеку. Последние полчаса течение постепенно убыстрялось, и Чэллонер не сомневался, что скоро ему придется перетаскивать челнок по берегу волоком. Вскоре он услышал впереди низкий непрерывный гул и понял, что приближается к опасному месту. Когда он стремительно обогнул следующий мысок, держась совсем рядом с берегом, он увидел ярдах в пятистах впереди белое кипение воды и пены между камнями.

Чэллонер быстро оценил положение. Правый берег у порогов круто уходил вверх почти отвесным обрывом, слева вплотную к воде подступал густой лес. Чэллонер сразу понял, что тащить челнок волоком можно будет только по левому берегу, а он в этот момент плыл у пра-

вого берега. Он повернул челнок под углом в сорок пять градусов и принялся грести, напрягая все силы. По его расчету, у него едва хватало времени, чтобы добраться до левого берега, прежде чем течение станет опасным. Сквозь свирепое рокотание порогов Чэллонер теперь слышал грохочущий рев водопада где-то дальше за ними.

Вот в эту-то роковую минуту Мики и решил еще раз попытаться расшевелить Нееву. Дружелюбно твякнув, он ударил его лапой. А костлявые, длинные лапы Мики были непомерно велики для такого молодого щенка, и удар, пришедшийся по кончику носа Неевы, можно было бы сравнить с хорошим тычком боксерской перчаткой. Немалую роль для дальнейшего сыграла также неожиданность этого удара. В довершение всего Мики взмахнул другой лапой, как дубинкой, и угодил Нееве в глаз! Этого нельзя было бы снести даже от друга. Зарывав, Неева выскочил из своего гнезда и сцепился со щенком.

Не следует забывать, что Мики, хотя он постыдно запросил пощады в их первой стычке, тоже происходил из рода испытанных бойцов. Смешайте кровь гончей маккензи – самой крупнокостной, самой широкогрудой, самой сильной собаки северного края – с кровью шпица и эрдельтерьера, и вы получите нечто весьма незаурядное. Если гончая маккензи при всей своей бычьей силе отличается неизменным добродушием и миролюбием, то северные шпицы и эрдельтерьеры все без исключения большие забияки, и еще вопрос, кого из них следует считать более воинственной породой. И внезапно в маленьком покладистом щенке проснулся дьявол. На этот раз Мики не стал покорно твякать, прося пощады. Он рванулся навстречу челюстям Неевы, и через две секунды они уже сцепились в великолепной драке на носу челнока – месте, менее всего подходящем для подобного занятия.

Они не обращали внимания на грозные окрики Чэллонера, который продолжал отчаянно грести, чтобы преодолеть течение, увлекавшее его к порогам. Неева и Мики были слишком поглощены друг другом и не слышали его. Все четыре лапы Мики снова болтались в воздухе, но на этот раз его острые зубы крепко стискивали складку кожи на горле Неевы, а лапами он толкал и бил медвежонка, и, наверное, Нееве пришлось бы плохо, если бы не случилось того, чего опасался Чэллонер. Все еще свившись в тесный клубок, они скатились с носа челнока в стремнину.

Секунд на десять они скрылись под водой. Затем вынырнули в добрых пятидесяти ярдах ниже по течению – бок о бок они уносились к неизбежной гибели, и с губ Чэллонера сорвался придушенный крик: спасти их он не мог, и в этом крике слышалось искреннее горе. Много недель Мики был его единственным товарищем и собеседником.

Связанные веревкой длиной в один ярд, Мики и Неева вместе нырнули в бурлящий водоворот. Мики следовало бы только возблагодарить судьбу за то, что хозяин привязал его на одну веревку с медвежонком. Мики в свои три месяца весил четырнадцать фунтов, причем на восемьдесят процентов он состоял из костей и лишь на один процент из жира. Неева же весил тринадцать фунтов и на девяносто процентов состоял из жира. Поэтому плавучесть Мики равнялась плавучести небольшого железного якоря, тогда как Неева держался на воде как спасательный пояс и был практически непотопляем.

Ни в щенке, ни в медвежонке не нашлось бы и капли трусости. Оба унаследовали от своих предков упрямое мужество, и хотя первые сто ярдов Мики почти все время находился под водой, он ни на мгновение не прекращал упорных попыток выбраться на поверхность. Иногда его переворачивало на спину, иногда на живот, но в любом положении он работал всеми своими четырьмя огромными лапами как веслами. В известной степени это помогало Нееве, который делал поистине героические усилия, чтобы не наглотаться воды. Будь он один, благодаря десяти фунтам своего жира он пронесся бы через пороги, как обтянутый шкурой мячик. Однако он тащил на шее четырнадцатифунтовый груз, и ему грозила серьезная опасность захлебнуться. Раз десять, когда Мики засасывал очередной водоворот, Неева тоже пол-

ностью исчезал под водой. Однако он тут же выплывал, отчаянно загребая всеми четырьмя короткими толстыми лапами.

Затем их принесло к водопаду. К этому времени Мики уже привык передвигаться под водой и, к счастью для себя, не увидел, какой новый ужас поджидает их впереди. Его лапы почти перестали двигаться. Он еще слышал рев, забивавший ему уши, но рев этот уже перестал его пугать. Дело в том, что Мики к этому времени захлебнулся и постепенно терял сознание. Нееве же было отказано в безболезненной смерти. Когда наступил гибельный миг, он прекрасно понимал, что происходит. Его голова находилась над водой, и он все отлично видел и слышал. Внезапно река ушла из-под него, и он унесся вниз, увлекаемый водной лавиной и больше уже не ощущая тяжести Мики на своей шее.

Чэллонер мог бы совершенно точно определить глубину омута ниже водопада. Если бы Неева был способен высказать по этому поводу свое мнение, он поклялся бы, что глубина эта равна миле. Мики же не был способен ничего определять, и его совершенно не волновало, равна ли глубина омута двум футам или двум милям. Лапы больше ему не повиновались, и он отдался на волю судьбы. Однако Неева всплыл, а с ним и Мики – как грузило за поплавком. Щенок уже готовился испустить последний вздох, но тут течение вышвырнуло Нееву на полузатонувшую корягу, и, прилагая отчаянные усилия, чтобы выбраться из воды, медвежонок вытащил из нее и голову Мики, так что щенок закачался на конце коряги, точно повешенный.

Глава VI

Весьма сомнительно, что в следующие несколько секунд Неева действовал сознательно и обдуманно. Было бы наивно предположить, будто он хотел помочь полумертвому, оглушенному Мики и пытался спасти его. Он стремился только к одному – выбраться из воды на какое-нибудь более сухое и безопасное место, но при этом он волей-неволей тащил за собой щенка. И когда Неева, натянув веревку, впился острыми коготками в корягу, а потом взобрался на нее, Мики тоже был вырван из хватки холодного враждебного потока. Только и всего. Затем Неева перебрался на бревно, вокруг которого вода закручивалась воронками, и, прильнув к нему, вцепился в него так, как еще никогда в жизни ни во что не вцеплялся. От берега бревно полностью заслоняли густые высокие кусты. Если бы не это, Чэллонер увидел бы щенка и медвежонка, когда десять минут спустя проходил мимо этого места. Но они были скрыты от его взгляда кустами, а Мики еще не был в состоянии учуять или услышать своего хозяина, когда Чэллонер спустился к воде посмотреть, не удалось ли все-таки его маленькому товарищу спастись; Неева же, конечно, только плотнее прильнул к бревну. Он уже достаточно насмотрелся на двуногого зверя и больше не желал его видеть до конца своих дней. Только через полчаса Мики захрипел, закашлял и начал выплевывать воду, и впервые с момента их драки на носу челнока Неева проявил к щенку живейший интерес. Еще через десять минут Мики поднял голову и огляделся. Тогда Неева дернул веревку, словно давая ему понять, что им пора подумывать, как выбраться на берег. Мики, мокрый, несчастный, был похож не столько на живое существо, сколько на обглоданную кость. Однако, увидев перед собой Нееву, он все-таки попробовал завилять хвостом. Он все еще лежал в воде, хотя тут ее глубина не достигала и двух дюймов, а потому, с надеждой оглядывая бревно, на котором расположился Неева, он кое-как поднялся на ноги и побрел к нему. Это было очень толстое и совсем сухое бревно, но едва Мики добрался до него, как судьба снова сыграла с ним злую шутку. Щенок забросил на бревно передние лапы и начал карабкаться к Нееве, старательно и неуклюже цепляясь когтями за кору и сучки. Однако только этих легких толчков бревну и не хватало, чтобы сползти с топляка в стремнину. Течение сначала медленно подхватило один конец бревна и развернуло его, так что он попал в главную струю, которая потащила его с такой внезапностью и силой, что Мики едва не сорвался в воду. Бревно качнулось, приняло устойчивое положение и помчалось, прыгая по волнам с быстротой, от которой даже у Чэллонерахватило бы дух, если бы он со своим верным челноком очутился на их месте.

И действительно, Чэллонер в эту минуту обходил по берегу быстрины ниже водопада. Он не решился бы без серьезной нужды пуститься в челноке по бешеной воде, над которой сейчас торжествовали славную победу Неева с Мики, и предпочел потерять два часа, перетаскивая свой багаж через лес до мыска на полмили ниже по течению. Эти полмили медвежонок и щенок запомнили на всю жизнь.

Они сидели на бревне мордочками друг к другу, примерно на его середине. Неева, вонзив когти в кору, как рыболовные крючки, распластался на животе и смотрел перед собой выпученными коричневыми глазками. Оторвать его от бревна удалось бы только с помощью лома. Что до Мики, то он с самого начала удерживался на их утлом суденышке только чудом. Его когти не были предназначены для того, чтобы во что-то вонзаться; его неуклюжие лапы, в отличие от лап Неевы, не могли обхватить бревно, как две пары человеческих рук. Ему оставалось только одно: любой ценой сохранять равновесие, принаравливаясь к движению и поворотам бревна, и ложиться то вдоль него, то поперек, ежесекундно рискуя сорваться в воду. Неева не отводил от него пристального взгляда. Если бы глаза медвежонка были буравчиками, то он наверняка просверлил бы в Мики две дырочки. Этот взгляд был таким отчаянным и напряженным, что можно было подумывать, будто Неева отдает себе отчет в том, насколько его собственная судьба

зависит от того, удержится Мики на бревне или нет. Если бы щенок сорвался, медвежонок не спасли бы ни цепкость его когтей, ни крепкая хватка: ему тогда осталось бы только одно – лететь в воду вслед за Мики.

Комель бревна был гораздо шире и тяжелее остальной его части, потому оно не вертелось в воде, а летело прямо вперед, словно огромная черная стремительная торпеда. Неева сидел спиной к новым порогам, ревушим и громоздящим пену впереди, но Мики это жуткое зрелище открывалось во всей своей грозной красоте. Бревно то и дело ныряло в белую гору пены и на одну-две секунды полностью скрывалось в ней. В такие моменты Мики переставал дышать и закрывал глаза, а Неева старался запустить когти еще глубже в кору. Один раз бревно задело камень – еще шесть дюймов, и они остались бы без своего корабля. Уже на полпути через быстрины и медвежонок и щенок превратились в два клубка пены, в которых испуганно блестя глаза.

Но вскоре оглушительный рев быстрин зазвучал уже позади них; огромных камней, вокруг которых река рычала и бесновалась, стало заметно меньше – все чаще попадались совсем чистые участки, где бревно плыло ровно, без толчков, и в конце концов они достигли широкого спокойного плеса. И лишь тогда пенные клубки зашевелились. Неева только теперь увидел целиком всю картину крошечного ада, сквозь который они пронеслись, а глазам Мики открылись пологие берега ниже по течению, густой лес и тихая, сверкающая на солнце речная гладь. Он набрал в легкие как можно больше воздуха и выдохнул его с таким глубоким и искренним облегчением, что с кончика его носа и с бакенбардов полетели брызги. Только тут он почувствовал, что держится на бревне в крайне неудобной позе: одна задняя лапа была неловко подвернута, а передняя придавлена его же собственной грудью. Зеркальное спокойствие воды и близость берега придали ему уверенности, и он постарался принять более удобное положение. В отличие от Неевы, Мики был опытным путешественником. Ведь он больше месяца изо дня в день плыл с Чэллонером в челноке и давно уже ничуть не боялся обычной благопристойной воды. Поэтому он немного ободрился и даже тьякнул, словно поздравляя Нееву с благополучным исходом их плавания среди порогов. Правда, в этом тьяканье слышалась жалобная нота.

Однако Неева воспитывался в совсем других понятиях, и хотя с челноком он познакомился только в этот день, повадки бревен он успел изучить хорошо. Он по горькому опыту знал, что в воде бревна – это почти живые существа и что все они в любую минуту могут сыграть с тем, кто им доверится, самую злую и непредвиденную шутку. Мики же, к несчастью, и понятия об этом не имел. Бревно благополучно пронесло их по стремнинам, страшной которых он в жизни не видывал, а потому теперь оно представлялось ему первоклассным челноком, правда зачем-то закругленным сверху, что было крайне неудобно. Впрочем, этот единственный недостаток не очень смущал щенка. И вот, к ужасу Неевы, Мики смело приподнялся, сел на задние лапы и посмотрел по сторонам.

Медвежонок, ослабивший было свою хватку, снова инстинктивно вцепился в кору, а Мики почувствовал непреодолимое желание встряхнуться, чтобы избавиться от пены, облепившей его всего, если не считать глаз и кончика хвоста. Он часто встряхивался в челноке. Так почему бы не встряхнуться и сейчас? И даже не задав себе этого вопроса, он энергично дернулся всем телом. Бревно в ответ немедленно перевернулось. Не успев даже взвизгнуть, Мики слетел с него, звучно плюхнулся в воду и снова исчез в глубине, как свинцовое грузило.

Впервые погрузившись в воду с головой, Неева доблестно не разжал лап, и когда бревно вернулось в прежнее положение, медвежонок все еще сидел на нем – только пену с него смыло. Он поискал взглядом Мики, но щенка нигде не было видно. И вдруг он снова ощутил, что к его шее подвешен тяжелый груз. Его голова невольно наклонилась, и он увидел уходящую под воду веревку, но не Мики: щенок погрузился так глубоко, что медвежонок не мог его разглядеть. Вербка все сильнее тянула Нееву вниз (течения тут почти не было, и ничто не поддерживало

Мики), но он не ослаблял хватки. Если бы он разжал лапы и вслед за Мики очутился в воде, им пришлось бы худо. Но теперь Мики, бывший лапами глубоко под бревном, играл одновременно роль и якоря и руля. Бревно медленно повернулось, попало в прибрежную струю и почти вплотную приблизилось к болотистому мыску.

Одним отчаянным прыжком Неева очутился на берегу. Почувствовав под лапами твердую землю, он пустился бежать, и в результате Мики медленно возник из ила и распластался на отмели, точно гигантский краб, ловя воздух разинутой пастью. Почувствовав, что его товарищ не в силах двигаться, Неева остановился, встряхнулся и стал ждать. Мики оправился быстро. Уже через пять минут он был на ногах и с таким неистовством принялся стряхивать с себя воду, что на Нееву обрушился настоящий ливень брызг и липкого ила.

Если бы они остались на этом месте подольше, на них примерно через час наткнулся бы Чэллонер, потому что он плыл возле самого берега, высматривая, не увидит ли где-нибудь их мертвые тела. Возможно, что инстинкт, впитавший в себя опыт бесчисленных предков, сказал Нееве о такой возможности, но, как бы то ни было, уже через четверть часа медвежонок решительно зашагал к лесу, и Мики послушно последовал за ним. Щенку это казалось интересным приключением.

К Нееве вернулось бодрое настроение. Ведь хотя он и лишился матери, лес оставался его родным домом. После всех мучений, которые доставил ему двуногий зверь, а потом и Мики, бархатистое прикосновение мягких сосновых игл к его подошвам и знакомые запахи укромной чащи доставляли ему особенную радость. Он возвратился к прежней жизни. Медвежонок нюхал воздух, настораживал уши, и его пьянило сознание, что он снова может делать все, что захочет. Лес был ему незнаком, но Нееву это не смущало. Все леса казались ему одинаковыми – ведь в его владении находилось несколько сотен тысяч квадратных миль лесных угодий, и у него не было возможности побывать в них всех.

С Мики дело обстояло по-другому. Его охватила тоска по Чэллонеру и реке, а кроме того, он начал тревожиться, заметив, что Неева уводит его все дальше и дальше в темные, таинственные глубины лесной чащи. Наконец он решил воспротивиться и начал с того, что уперся в землю всеми четырьмя лапами, так что внезапно натянувшаяся веревка опрокинула Нееву, и он упал на спину с удивленным фырканьем. Воспользовавшись своим преимуществом, Мики повернулся и направился назад к реке; налегая на веревку с лошадиной силой, достойной его отца, он успел протащить Нееву по земле шагов пятнадцать, и только тогда медвежонку наконец удалось подняться на ноги.

И началась борьба. Напрягая задние лапы, крепко упираясь передними в мягкую землю, медвежонок и щенок тянули веревку в противоположные стороны, пока их шеи совсем не онемели, а глаза не вылезли на лоб. Неева тянул ровно и флегматично, Мики же на собачий лад дергался всем телом и выгибался; благодаря этим неожиданным толчкам ему удавалось каждый раз немного сдвинуть Нееву с места. В конечном счете все сводилось к тому, чья шея окажется крепче. У Неевы под слоем жира еще не успели нарасти сильные мышцы, и Мики имел тут перед ним заметное преимущество. Несмотря на удобу и костлявость, щенок был очень силен для своего возраста, – Неева еще несколько минут героически сопротивлялся, но потом уступил и послушно пошел в том направлении, которое выбрал Мики.

Медвежонок, подобно всем своим сородичам, без всякого труда нашел бы кратчайший путь к реке, но у Мики умение ориентироваться далеко уступало твердости его намерений, и Неева заметно повеселел, когда обнаружил, что его спутник уводит его еще дальше от опасной реки, хотя зачем-то и описывает при этом широкую дугу. Еще через четверть часа Мики окончательно заблудился. Он присел на задние лапы, поглядел на Нееву и негромко заскулил, признавая свое поражение.

Неева не шевельнулся. Его зоркий взгляд внезапно остановился на сером шаре, который был прилеплен к ветке невысокого куста в десяти шагах от них. До появления двуногого зверя

медвежонок только и делал, что ел весь день напролет, но со вчерашнего утра у него даже маленького жучка во рту не было. Его томил ужасный голод, и когда он увидел серый шар, его слюнные железы мгновенно заработали. Это было осиное гнездо! Сколько раз за свою коротенькую жизнь он видел, как Нузак, его мать, подходила к таким гнездам, сбрасывала их на землю, давила огромной лапой, а потом звала его полакомиться мертвыми осами! В течение последнего месяца осы неизменно входили в его дневной рацион, и их вкус ему очень нравился. И вот Неева направился к гнезду. Мики пошел за ним. Когда до гнезда оставалось шага три, Мики ясно расслышал тихое, но крайне неприятное жужжание. Однако Неева ничуть не встревожился. Рассчитав высоту гнезда, он встал на задние лапы, передние протянул к гнезду и дернул его – роковое движение!

Немедленно монотонное жужжание, которое заметил Мики, стало гневным и пронзительным, словно где-то заработала электрическая пила. Мать Неевы тут молниеносно наступила бы на гнездо тяжелыми лапами, раздавив всех его обитателей, но рывок Неевы только слегка повредил жилище Ахму и его свирепого племени. Ахму был в этот момент дома, так же как и три четверти его воинов. Прежде чем Неева успел еще раз дернуть гнездо, они вырвались наружу темным грозным облаком, и Мики внезапно испустил душераздирающий визг: на нос щенка опустился Ахму собственной персоной! Неева не издал ни звука, а только начал бить себя по мордочке передними лапами. Мики же, продолжая визжать, сунул свой укушенный нос в землю. Мгновение спустя в битву вступили все бойцы армии Ахму. Неева тоже вдруг испустил отчаянный вопль и бросился бежать прочь от гнезда. Мики не отставал от него ни на шаг. Ему казалось, что на его нежной шкуре нет такого места, в которое не погрузилась бы раскаленная игла. Вопли Неевы были оглушительны. Он ревел не переставая, и в эту басовую ноту вплетался альтовый визг Мики, придавая ей какой-то потусторонний оттенок. Окажись поблизости суеверный охотник, он не усомнился бы, что в лесу устроили праздник волки-обортни.

Обратив врагов в паническое бегство, осы – противники довольно благородные – не стали бы их преследовать и вернулись бы в свою поврежденную крепость, если бы не одно злополучное обстоятельство: улепетывая во все лопатки, Мики промчался слева от молодой березки, а Неева справа от нее, и натянувшаяся веревка остановила их так резко, что чуть было не сломала им шеи. Осиный арьергард вновь накинута на врагов, которые вдруг перестали убежать. Тут в Нееве наконец разыгралась его воинственная кровь, и, размахнувшись, он хлопнул Мики по спине. Полуослепший щенок уже совсем обезумел от боли и ужаса, а потому принял чувствительные уколы острых когтей Неевы за новые укусы жужжащих чудовищ и, взвизгнув еще раз, упал на землю в припадке, похожем на эпилептический.

Это их и спасло. Свиваясь в бешеных судорогах, Мики перекатился к Нееве, отцепив веревку от березки, и Неева снова кинулся наутек. Мики бросился за ним, завывая при каждом прыжке. Неева забыл о страхе, который внушила ему порожистая река. Инстинкт подсказывал ему, что он должен найти воду, и как можно скорее. Самым прямым путем, словно Чэллионер указал ему дорогу по компасу, Неева мчался к реке, но не успел он пробежать и трехсот шагов, как наткнулся на ручеек, который оба они могли бы легко перескочить. Неева сразу же прыгнул в ручеек, глубина которого достигала тут четырех-пяти дюймов, и Мики впервые в жизни добровольно погрузился в воду. Они оба долго лежали в прохладном ручье.

Глаза Мики ничего не различали, кроме расплывчатого сияния дня, и он весь начал пухнуть – от кончика носа до кончика узловатого хвоста. Неева благодаря защитному слою жира пострадал меньше. Он полностью сохранил зрение и, несмотря на боль, длившуюся час, второй, третий, принялся понемногу приводить в порядок свои мысли. Все началось с двуногого зверя. Двуногий зверь отнял у него мать, двуногий зверь посадил его в темный мешок, и тот же двуногий зверь привязал ему на шею эту веревку. Медленно, постепенно он начал проникаться убеждением, что источником всех последних бед была именно эта веревка.

Несколько часов спустя они с трудом вылезли из ручейка и отыскивали мягкую сухую ложбинку между корнями большого дерева. В лесной чаще сгущался сумрак, и даже Неева, глаза которого не пострадали, видел уже плохо. Солнце спустилось совсем низко. В воздухе потянуло прохладой. Распластавшись на животе, сунув распухшую голову между передними лапами, Мики жалобно поскуливал.

Взгляд Неевы то и дело обращался к веревке, а в голове у него зрело важное решение. Он взвизгнул – не то по привычке призывая мать, не то из сочувствия к Мики. Он прижался к щенку, испытывая непреодолимую потребность в чьей-то дружеской близости. Ведь Мики, в конце концов, был тут ни при чем. Всею виной двуногий зверь... и веревка!

Их все более плотно окутывала вечерняя тьма, и, теснее прижавшись к щенку, Неева схватил веревку обеими лапами. С тихим рывканьем он впился в нее зубами и принялся настойчиво грызть. Время от времени он выпускал негромкое ворчание, и в этом ворчании была успокоительная интонация, точно он уговаривал Мики: «Разве ты не видишь? Я перегрызу эту штуку пополам. К утру я кончу. Не вешай носа! Дальше будет лучше».

Глава VII

Наутро после трагического столкновения с осиным племенем Неева и Мики еле поднялись на распухшие, онемевшие лапы, когда настало время просыпаться и приветствовать зарю нового дня в таинственных глубинах леса, куда случай забросил их накануне. В них обоих жил дух неукротимой юности, и хотя Мики так раздулся от осиных укусов, что его тощее тело и неуклюжие лапы приобрели совсем уж нелепый вид, он готов был с величайшей охотой пуститься на поиски новых приключений.

Морда щенка стала круглой как луна, а голова настолько увеличилась, что Неева, возможно, опасался: а не лопнет ли она? Однако глаза Мики (насколько их можно было разглядеть за распухшими веками) весело блестели, а здоровое ухо и половинка стояли торчком, – он словно спрашивал медвежонка, чем они займутся теперь. Боль от укусов совершенно утихла, и хотя Мики ощущал, что его тело стало заметно больше, в остальном он чувствовал себя прекрасно.

Неева благодаря своему спасительному жирку вынес из боя с осами меньше рубцов и ран. Собственно говоря, о том, что ему пришлось перенести накануне, напоминал только совершенно заплывший правый глаз. Зато левый поглядывал на мир весело и зорко. Ни опухший глаз, ни онемевшие лапы не смущали Нееву – наоборот, настроение у него было самое бодрое, и он нисколько не сомневался, что все плохое осталось позади. Ему удалось ускользнуть от двуногого зверя, который убил его мать; он вернулся в гостеприимные, милые его сердцу леса, и, наконец, он сумел за ночь перегрызть веревку, которой Чэллонер связал его с Мики. После благополучного избавления от такой напасти он теперь не удивился бы, если бы из-за деревьев вдруг вышла Нузак, его мать. Вспомнив о ней, он заскулил. А Мики вспомнил о своем хозяине и, ощутив безлюдную пустынную окружающего мира, заскулил в ответ.

Оба были очень голодны. Накануне одно несчастье сменялось другим с такой быстротой, что у них не было никакой возможности поесть. Вчерашние события все-таки порядочно напугали Мики, и поэтому, пока Неева деловито оглядывал окружавший их лес, щенок каждое мгновение ожидал какой-нибудь новой беды.

По-видимому, осмотр удовлетворил медвежонка: повернувшись спиной к солнцу, как всегда делала его мать, он решительно зашагал вперед. Мики побрел за ним. Только в эту минуту он обнаружил, что у него в теле как будто не осталось ни единого сустава. Шея не поворачивалась, лапы превратились в деревянные ходули, и, стараясь не отставать от медвежонка, он за пять минут успел ровно столько же раз споткнуться и упасть. Вдобавок его глаза так заплыли, что он наполовину ослеп, а потому после пятого падения потерял Нееву из виду и протестующе завизжал. Неева остановился и сунул нос под гнилой ствол поваленного дерева. Когда Мики подковылял к нему, он увидел, что медвежонок, припав к земле, деловито слизывает поселение больших рыжих укусных муравьев. Мики несколько секунд наблюдал за его действиями. Он вскоре сообразил, что Неева разжился чем-то съедобным, но никак не мог взять в толк, чем именно. Мики начал жадно обнюхивать то место, над которым быстро мелькал язык Неевы. Потом тоже высунул язык и лизнул, но к его языку не прилипло ничего, кроме прошлогодней хвои и гнилушек. А Неева тем временем то и дело похрюкивал от удовольствия. Только через десять минут он слизнул последнего муравья и отправился дальше.

Немного погодя они вышли на сырую полянку, и Неева принялся обнюхивать траву и приглядываться к ней единственным здоровым глазом, а потом начал быстро копать, вытаскивая что-то белое толщиной в человеческий палец и начал аппетитно хрустеть, усердно работая челюстями. Мики удалось схватить порядочный кусок белой штуки, но она явно не пришлась ему по вкусу. Ему показалось, что он жует деревяшку, и, покатав непонятный предмет

во рту, он брезгливо его выплюнул, а Неева с довольным урчанием доел корешок до последнего кусочка.

Они пошли дальше. Два томительных часа Мики следовал за Неевой, и по мере того как опадали опухоли на его теле, пустота в его желудке становилась все больше. Голод превращался в мучительную пытку. Но он не находил никакой еды, хотя Неева на каждом шагу обнаруживал какие-то свои лакомства. К концу этих двух часов список кушаний, поглощенных медвежонком, достигал внушительных размеров. В числе прочего он включал десяток зелено-черных жуков, бесчисленное множество других насекомых, как твердых, так и мягких, целые селения рыжих и черных муравьев, несколько жирных личинок, извлеченных из глубины тухлявых пней, горсть улиток, лягушонка и яйцо-болтун, извлеченное из покинутого гнезда куропатки, свившей его на земле под густым кустом, а из растительных блюд – две порции съедобных корней и одну заячью капусту. Время от времени он сгибал молодые топольки и отъедал нежные верхушки. Еще он совал в рот все натеки еловой и сосновой смолы, какие успевал заметить, а иногда разнообразил завтрак молоденькой травкой.

Мики вслед за ним перепробовал немалую часть его рациона и съел бы лягушонка, если бы Неева его не опередил. Сосновая и еловая смола залепила ему зубы и была такой горькой, что его чуть не стошнило. Понять, чем улитки отличаются от камешков, он так и не сумел, а так как пробовать жуков он начал с так называемого жука-вонючки, то повторить этот опыт больше уже не рискнул. По примеру Неевы он откусил верхушку молодого побега, но это был не тополек, а волчье лыко, и от жгучего сока его язык на полчаса потерял всякую чувствительность. В конце концов он пришел к заключению, что из всего меню Неевы он еще как-то способен есть только траву.

Вот так Мики изнывал от голода, пока его спутник непрерывно пополнял пеструю коллекцию в своем желудке и становился все веселее. По правде говоря, Неева был совершенно счастлив и, выражая свое удовольствие, то и дело блаженно урчал. К тому же опухоль на его правом глазу быстро спадала, и к нему почти вернулось нормальное зрение. Несколько раз, обнаружив новое скопление муравьев, он дружелюбным повизгиванием приглашал Мики принять участие в пиршестве.

До полудня Мики послушно плелся за медвежонком как привязанный. Однако, когда Неева неторопливо раскопал шмелиное гнездо, прихлопнул четырех его обитателей и с аппетитом съел их, терпению щенка пришел конец. Он сообразил, что ему следует самому позаботиться о собственном пропитании и поохотиться на какую-нибудь съедобную дичь. Эта мысль вызвала у него острое волнение. К этому времени его глаза уже совсем открылись, а онемение в теле почти прошло. В нем разыгралась кровь его разнообразных предков, и он принялся рыскать вокруг самостоятельно, вынюхивая подходящую добычу. Вскоре он почуял соблазнительный запах и пошел на него, но почти тотчас же шарахнулся в сторону: из-под самого его носа, оглушительно гремя крыльями, вспорхнула куропатка. В первую минуту щенок даже испугался, но этот испуг только усилил переполнявшее его возбуждение. А несколько минут спустя, сунув нос под кучу валежника, он наткнулся на свой обед. Это был Вабу, крольчонок. С быстротой молнии Мики стиснул зубами его спину. Неева, услышав треск сухих веток и писк крольчонка, оторвался от муравьев и поспешил туда, откуда доносились эти звуки. Писк почти сразу оборвался, Мики задом выполз из-под валежника и, торжествуя, предстал перед Неевой с Вабу в зубах. Крольчонок уже перестал биться, и Мики со свирепым рычанием начал терзать неподвижную тушку. Неева, ласково похрюкивая, подошел поближе. Мики зарычал еще более свирепо. Однако Неева не устрасился и продолжал негромким заискивающим урчанием выражать свою глубокую симпатию к Мики, а сам тем временем обнюхивал крольчонка. Мики вдруг перестал рычать. Возможно, он вспомнил, с каким радушием Неева пытался угостить его своими жуками и муравьями. Но как бы то ни было, крольчонок они миролюбиво съели вместе до последней косточки, до последнего клочка шкурки, и тогда Неева впервые после

смерти своей матери присел на толстые задние лапы и высунул красный язычок. Эта поза у него означала высшую степень сытости и превосходное настроение. Для полноты блаженства ему требовалось еще только одно: хорошенько вздремнуть. И, лениво потянувшись, он поглядел по сторонам в поисках подходящего дерева.

У Мики же приятная сытость вызвала, наоборот, бурную жажду деятельности. Поскольку Неева всегда тщательно пережевывал любую пищу, а Мики имел обыкновение глотать не жуя, на долю щенка пришлось добрых четырех пятых тушки, и он больше не испытывал голода. Зато впервые после того, как они с Неевой сорвались в воду с челнока Чэллонера, Мики как следует осознал, насколько переменились его судьба и вся окружающая обстановка. Впервые в жизни он сам добыл себе обед и впервые в жизни попробовал сырого мяса, и эти два обстоятельства привели его в неистовое возбуждение, которое, естественно, заглушило всякое желание прилечь и вздремнуть на солнышке. Теперь, когда ему открылась прелесть охоты, в его неуклюжем щенячьем теле пробудился древний инстинкт всего собачьего рода, и он готов был гоняться за дичью до изнеможения. Но тут Неева как раз отыскал себе удобную постель.

Вне себя от изумления, Мики следил за тем, как Неева неторопливо карабкался по стволу большого тополя. Мики приходилось видеть, как по деревьям лазают белки, и это казалось ему не менее естественным, чем способность птиц летать, но за действиями Неевы он следил в полном ошеломлении. И только когда медвежонок удобно растянулся на широкой развилке, Мики наконец выразил свои чувства вслух. Он недоверчиво затыкал. Потом обнюхал низ ствола и без особого энтузиазма, в свою очередь, попробовал взобраться на него. В результате он довольно болезненно хлопнулся спиной о землю и пришел к выводу, что щенкам, в отличие от медвежат, по деревьям лазать не полагается. Огорчившись, он отошел от тополя шагов на двадцать, сел и начал обдумывать положение. Он никак не мог понять, что, собственно, Нееве понадобилось на дереве. Жуков он там явно не искал. Мики несколько раз вопросительно тявкнул, но Неева не ответил. В конце концов щенок отказался от попытки привлечь внимание своего приятеля и с унылым визгом растянулся на земле.

Однако спать Мики не собирался. Ему вовсе не хотелось отдыхать. Он был бы рад немедленно продолжить исследование таинственных и манящих лесных дебрей. Безотчетный страх, который томил его все время, пока он не поймал крольчонка, теперь бесследно исчез. За те две минуты, которые он провел под кучей валежника, чудодейка-природа успела научить его очень многому. Эти две минуты совсем преобразили Мики: из беспомощного, боязливого щенка он стал самостоятельным молодым псом. Беспечное детство, которое затянулось из-за опеки Чэллонера, с этого момента принадлежало прошлому. Он поймал свою первую дичь, и жаркий восторг победы пробудил в нем все древние инстинкты. За те полчаса, которые он пролежал, ожидая, когда проснется Неева, Мики окончательно преодолел расстояние, отделяющее щенка от взрослой собаки. Он, конечно, не мог знать, что его отец Хелей был самой знаменитой охотничьей собакой в бассейне реки Литтл-Фокс и в одиночку справлялся со взрослым самцом карибу. Но он всеми фибрами своего тела ощущал это. В зове предков была неотразимая настойчивость. И потому, что он покорился этому зову и жадно ловил чутким слухом шепчущие голоса лесной чащи, он сумел различить тихое, монотонное похрюкивание Кавука, старого дикобраза.

Мики замер, прижимаясь к земле. Спустя мгновение он услышал легкое пощелкивание игл – на полянку вышел Кавук и поднялся на задние лапы в самой середине большого пятна солнечного света.

Кавук вот уже тринадцать лет вел мирное существование в этом уголке леса и теперь, на склоне лет, весил никак не меньше тридцати фунтов. В этот день он запоздал с обедом, но даже это все равно не омрачило его благодушного настроения. Зрение у него и в юности было скверным. Природа сотворила его, как и всех его сородичей, близоруким, возместив этот недостаток грозной броней из острых игл. Он не замечал Мики, от которого находился шагах в

десяти, или делал вид, что не замечает. А Мики совсем распластался на земле, так как новообретенный инстинкт предупреждал его, что нападать на это существо было бы неблагоразумно.

Кавук около минуты простоял на задних лапах, застыв в неподвижности и тихонько похрюкивая гимн своего племени. Мики видел его сбоку – в этой позе дикобраз удивительно походил на дорожного муниципального советника. Он был таким толстым, что его живот выпячивался, как половинка воздушного шара. Передние лапы он как-то очень по-человечески сложил на животе и больше смахивал на старую дикобразиху, чем на признанного главу своего племени.

Только тут Мики заметил, что из-за куста вблизи Кавука кокетливо вышла Исквазиз, молоденькая самочка. Хотя Кавук был уже в годах, он сохранил галантный нрав своей юности и при виде красавицы немедленно принялся демонстрировать свою благовоспитанность и изящные манеры. Начал он с потешной пляски, заменяющей у дикобразов ухаживание: он хрюкал все громче и громче, переминался с лапы на лапу, и его округлое брюхо подпрыгивало как мячик. Правда, красавица Исквазиз могла бы вскружить голову кому угодно. Она была блондинкой – другими словами, она была альбиносской, что среди дикобразов встречается очень редко. Нос у нее был розовый, мягкие подушечки на лапах тоже были розовые, а радужная оболочка ее очаровательных розовых глазок была небесно-голубого цвета. Прельстительный танец Кавука явно не пришелся ей по вкусу, и Кавук, заметив это, переменял тактику: он встал на все четыре лапы и принялся крутиться как бешеный, ловя свой хвост. Когда он остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвел этот маневр, то, к огромному своему разочарованию, обнаружил, что Исквазиз давно уже и след простыл.

Ошеломленно присев на задние лапы, он минуту оставался неподвижным, а затем, к ужасу Мики, направился прямо к дереву, на котором устроился Неева. Дело в том, что Кавук всегда обедал на этом дереве, и теперь он начал взбираться по стволу, что-то ворча себе под нос. Шерсть у Мики встала дыбом. Он не знал, что Кавук, как и все его сородичи, был добродушнейшим существом и никогда никому не причинял вреда, если только на него не нападали. Мики это было неизвестно, и потому он внезапно поднял оглушительный лай, чтобы предупредить Нееву.

Неева проснулся не сразу, а когда наконец он открыл глаза, то увидел перед собой щетинистую морду неведомого зверя и страшно перепугался. С молниеносной быстротой, чуть не сорвавшись со своей развилки, он повернулся и вскарабкался выше по стволу. Кавук ничуть не был выведен из душевного равновесия. После исчезновения Исквазиз он помышлял только об обеде и продолжал неторопливо взбираться все выше. Неева в панике начал пятиться от ствола по большой ветке, уступая дорогу Кавуку.

К несчастью для Неевы, именно на этом суку Кавук обедал накануне. И вот дикобраз перебрался со ствола на ветку, все еще, по-видимому, не замечая присутствия там медвежонка. Тут Мики внизу затыкал с таким визгливым иступлением, что Кавук наконец как будто сообразил, что происходит что-то необычное. Он прищурился и поглядел вниз на Мики, который кидался на ствол в тщетных попытках влезть на дерево и помочь приятелю. Затем Кавук повернулся и в первый раз посмотрел на медвежонка с некоторым интересом. Неева крепко обхватила ветку всеми четырьмя лапами. Отступать дальше он не мог – ветка здесь была настолько тонкой, что уже сгибалась под его тяжестью.

Кавук начал сердито браниться. Мики испустил завершающее визгливое твяканье и, присев на задние лапы, принялся следить за душераздирающей драмой, которая разворачивалась над его головой. Кавук делал шагок вперед, а Неева немного отползла, и так продолжалось до тех пор, пока медвежонок не соскользнул с ветки и не повис на ней, раскачиваясь между небом и землей. Тут Кавук перестал браниться и спокойно приступил к обеду. Около трех минут Нееве кое-как удавалось удерживать свою позицию. Раза два он тщетно пытался подтянуться и снова лечь на ветку животом. Но вот его задние лапы разжались. Несколько секунд

он провисел на передних лапах, а затем сорвался с высоты в пятнадцать футов и полетел вниз. Он шлепнулся на землю возле Мики и долго не мог перевести дух. Потом с ворчанием поднялся, ошеломленно поглядел на дерево и, ничего больше не объяснив Мики, зашагал дальше в лес – прямо навстречу опаснейшему приключению, которому суждено было стать решительным испытанием для них обоих.

Глава VIII

Неева остановился, только когда прошел четверть мили, а может быть, и больше.

Мики показалось, что они внезапно из яркого солнечного дня попали в густые вечерние сумерки. Эта часть леса, куда забрел Неева, стараясь уйти подальше от страшного зверя, столкнувшего его с дерева, походила на огромную таинственную пещеру. Даже Чэллонер остановился бы тут в благоговении, подавленный величавым безмолвием этой чащи, замороженный загадочными шорохами, которыми она была полна. Солнце по-прежнему сияло высоко в небе, но ни единый его луч не проникал под зеленый свод густых еловых ветвей, сплетавшихся над головами Мики и Неевы в непроницаемый полог. Вокруг не было ни единого куста, под их лапами не было ни единого цветка, ни единой травинки – ничего, кроме толстого мягкого слоя бурой хвои, душившей всякую жизнь. Казалось, будто лесные девы устроили себе здесь опочивальню, куда не могут проникнуть ни ветер, ни дождь, ни снег; будто тут был приют волков-оборотней, на время покидающих этот мрачный, наводящий ужас тайник, чтобы строить козни людям.

На сумрачных елях здесь не пела ни одна птица, на их разлапистых ветках не резвились веселые белки. Тишина была такой глубокой и мертвой, что Мики даже расслышал стук собственного сердца. Он посмотрел на Нееву и увидел, что в полутьме глаза медвежонка горят странным огнем. Ни тот ни другой не испытывали страха, и все-таки эта гробовая тишина по-новому укрепила их нарождающуюся дружбу. Какое-то неясное чувство пробудилось в их лесных душах и заполнило пустоту, оставшуюся у Неевы после потери матери, а у Мики – после разлуки с хозяином. Щенок тихонько взвизгнул, а Неева мягко заворчал и легонько хрюкнул, как совсем юный поросенок. Они придвинулись друг к другу и встали бок о бок, с вызовом глядя на окружающий мир. Потом они пошли дальше, точно двое маленьких мальчиков, которые забрались в пустой покинутый дом. Они не охотились, и тем не менее все их охотничьи инстинкты были насторожены, и оба часто останавливались, чтобы посмотреть по сторонам, прислушаться и понюхать воздух.

Нееве эта мгла напомнила черную пещеру, в которой он родился. Так, может быть, из какого-нибудь сумрачного прохода между стволами сейчас появится Нузак, его мать? Может быть, она спит где-нибудь тут, как спала в их темной берлоге? Возможно, в мозгу медвежонка и правда смутно возникали вопросы вроде этих. Ведь тут царила та же мертвая тишина, что и в их пещере. И казалось, будто всего в нескольких шагах перед ними мрак сгущается в черные провалы. Такие места индейцы называют «мухнеду» – глухие закоулки леса, где злые духи уничтожили всякую жизнь, вырастив деревья столь густые, что сквозь их хвою не в силах проникнуть ни один солнечный луч. Только совы, друзья злых духов, живут в их заклятых владениях.

Взрослый волк остановился бы и повернул назад там, где сейчас стояли Неева и Мики: лиса поспешила бы ускользнуть прочь, припадая к земле; даже бесстрашный убийца горностаев только поглядел бы на эту чащобу красными глазами-бусинами и вернулся бы в светлый лес, повинаясь велению инстинкта. Ибо в этом безмолвии и мраке крылась своя жизнь. Она таилась и подстерегала в глубине бездонных черных провалов. И теперь, когда Неева и Мики продолжали углубляться в сумрачную тишину, эта жизнь начала пробуждаться, – круглые глаза открывались и загорались жутким зеленым огнем. Однако в чаще по-прежнему не раздавалось ни единого звука, и нельзя было заметить никакого движения. Истинные злые духи, обитающие в мухнеду – огромные совы, – поглядывали вниз, что-то соображали медлительным мозгом... и выжидали.

Затем из хаотического мрака выплыла чудовищная тень и скользнула над головой маленьких прищельцев так низко, что они расслышали грозный шелест гигантских крыльев. Когда это призрачное существо скрылось из виду, они услышали шипение и скрежещущее щел-

канье мощного клюва. От этого звука по спине Мики пробежала дрожь. Дремавший инстинкт внезапно заговорил в полный голос. Щенок вдруг почувствовал близкое присутствие какой-то неведомой и страшной опасности.

Теперь тишина вокруг них наполнилась звуками – шорохами среди ветвей, еле слышным шелестом в вышине и резким, металлическим щелканьем над их головами. Снова Мики увидел, как появилась и исчезла огромная тень. За ней последовала вторая, третья, четвертая... пока не стало казаться, что весь воздух под сводом ветвей заполнен этими тенями. И с появлением каждой новой тени все ближе к ним раздавалось угрожающее щелканье сильных хищных клювов. И, подобно волку или лисе, Мики съежился и припал к земле. Но поступил он так из осторожности, а не от поскуливающего щенячьего страха. Его мышцы были напряжены, и, когда одна из сов пронеслась над ним совсем низко, почти задев его голову крылом, он с рычанием оскалил клыки. Неева встретил сову фырканием – со временем оно должно было превратиться в яростное «уф!», с которым его мать бросалась в бой. Как и положено медведю, он поднялся на задние лапы. И именно на него стремительно ринулась одна из теней – чудовищное оперенное ядро, вырвавшееся из мрака.

Сверкающие глаза Мики увидели, что в трех шагах от него его товарищ исчез под бесформенной серой массой. Несколько секунд щенок стоял в оцепенении, с ужасом прислушиваясь к громовому хлопанию мощных крыльев. Неева не издал ни звука. Он был опрокинут на спину и тщетно рвал когтями перья, такие мягкие и густые, что, казалось, под ними нет живой плоти. Он почувствовал, что справиться с этим существом у него не хватит сил, а это означало смерть. Удары крыльев были как удары дубиной – они оглушали его, мешали дышать, и все-таки он продолжал терзать навалившуюся на него бесплотную грудь, которая состояла из одних перьев.

Свирепо бросившись на свою жертву, великан Ухумисью (размах его крыльев достигал пяти футов!) чуть-чуть промахнулся. Стальные когти-кинжалы, которые он намеревался погрузить во внутренности Неевы, сомкнулись слишком рано и сжали только густую шерсть медвежонка и складки кожи. Вот почему Ухумисью бил теперь свою жертву крыльями, стараясь улучшить удобный момент, чтобы разом покончить с ней жестоким ударом острого клюва. Еще полминуты – и мордочка Неевы была бы разорвана в клочья.

Именно потому, что Неева молчал, что он ни разу не взвизгнул, Мики с рычанием вскочил на ноги и оскалил зубы. И сразу же весь его страх исчез и сменился отчаянным, почти радостным возбуждением. Он узнал их врага – это была птица! А птицы для него были не противниками – они были добычей. За то время, пока он путешествовал со своим хозяином по рекам Северной Канады, Чэллонер не раз стрелял больших канадских гусей и журавлей с огромными крыльями. Мики ел их мясо. Дважды он с залиvistым тьяканьем гонялся за ранеными журавлями, и они убегали от него! Теперь щенок не стал ни тьякать, ни лаять. Молниеносным прыжком он обрушился на шар из перьев, как четырнадцатифунтовое ядро, и Ухумисью, разжав когти, свалился на бок и беспомощно забил крыльями.

Прежде чем он успел подняться, Мики снова прыгнул на него, целясь в голову, как тогда, когда он догнал раненого журавля. Ухумисью шлепнулся на спину, и Мики в первый раз с начала своей атаки испустил яростное рычание, которое перешло в визгливое тьяканье. Ухумисью и его кровожадные собратья, под покровом мрака наблюдавшие за схваткой с деревьев, никогда еще не слышали подобных звуков. Щелканье клювов стало удаляться, и Ухумисью, внезапно взмахнув крыльями, взмыл в воздух.

Твердо упершись широкими передними лапами в землю, задрав оскаленную мордочку к черному своду еловых ветвей, Мики продолжал вызывающе лаять и завывать. Он хотел, чтобы большая птица вернулась. Он хотел изодрать в клочья ее перья, но под его исступленный лай Неева перевернулся со спины на живот, оглянулся на Мики, предостерегающе взвизгнул и пустился наутек. В отличие от Мики, он прекрасно разобрался в положении. Опять на помощь

ему пришел инстинкт, родившийся из опыта бесчисленных поколений. Он твердо знал, что в темных провалах над их головами кружит смерть, и он бежал так, как никогда еще в жизни не бегал. Мики пустился бежать следом, а крылатые тени снова начали приближаться к ним.

Впереди маленькие беглецы увидели проблеск солнечного света. Деревья вокруг становились все выше, и вскоре в густом пологе ветвей появились разрывы, и черные провалы пещерного мрака остались позади. Если бы они пробежали еще сотню ярдов, то оказались бы на широкой равнине – охотничьем уголье огромных сов. Но Неевой полностью владело чувство самосохранения, он все еще был оглушен громовыми ударами совиных крыльев, его бока жгли раны, оставленные когтями Ухумисью, а потому, увидев перед собой беспорядочное нагромождение вырванных с корнем стволов, он нырнул под их защиту с такой быстротой, что Мики не сразу понял, куда девался его приятель.

Потом и Мики забрался в щель между поваленными стволами, повернулся и высунул голову наружу. Он все еще скалил клыки и рычал. Ведь он одержал победу над врагом! Он сшиб страшную птицу на землю и вырвал зубами пучок ее перьев. А после такого торжества он, последовав примеру Неевы, вдруг бежал! Теперь им овладело желание вернуться на поле боя и довести дело до конца. В нем говорила кровь неустрашимых эрдельтерьеров и шпицев, кровь его отца, огромного охотничьего пса Хелея. Первые две породы, смешавшись в нем, наделили его волчьей храбростью и лисьей настойчивостью, а от отца он получил мощные челюсти и геркулесовскую силу, и, если бы Неева не продолжал заползать все глубже в бурелом, Мики отправился бы назад в чащу и пролаял бы свой вызов оперенным чудовищам, от которых они бежали.

Израненные бока Неевы отчаянно горели, и он вовсе не хотел вступать в новые драки с существами, которые слетают с деревьев. Он принялся зализывать следы когтей Ухумисью, и через несколько минут Мики подполз к нему и, почувствовав запах свежей теплой крови, тихонько зарычал. Он знал, что это кровь Неевы, и, когда он обернулся к щели, сквозь которую они забрались в темный лабиринт бурелома, в его глазах загорелись злые огоньки.

Около часа Мики пролежал совершенно неподвижно, и в нем вновь происходил процесс стремительного повзреления, как и тогда, когда он поймал своего первого кролика. Наконец он осторожно вылез из-под поваленных стволов и увидел, что солнце уже заходит за лес на западе. Мики огляделся и прислушался. В его позе не было и следа щенячьей виноватой приниженности. Крупные подушечки худых лап уверенно упирались в землю, а сами костлявые лапы, казалось, были вырезаны из твердого узловатого дерева. Все мышцы его тела были напряжены, уши стояли торчком, голова упрямо вжималась в костлявые плечи, по которым уже можно было догадаться, каким сильным он должен был стать впоследствии. Он знал, что началось его Великое Приключение. Щенячьи игры и ласковые, заботливые руки хозяина остались в прошлом. Мир переменялся и стал несравненно более заманчивым и опасным.

Несколько минут спустя Мики прилег возле щели, уводившей в бурелом, и принялся грызть конец веревки, который свисал с его шеи. Солнце спустилось еще ниже, потом совсем скрылось за зубчатой стеной леса. А Мики все еще ждал, чтобы Неева выбрался к нему на открытое место и лег рядом с ним. Но сумерки продолжали сгущаться, а Неева все не шел. Наконец Мики опять пролез в щель и наткнулся возле нее на Нееву. Они принялись вместе наблюдать за таинственным приближением ночи.

Некоторое время вокруг царила глубочайшая тишина, какая бывает только в лесах севера в первый час наступления ночи. В ясном небе робко загорелись первые редкие звездочки, а затем его усеяли сверкающие созвездия. Из-за края лесов уже поднималась луна, затопляя землю золотистым сиянием, и в этом сиянии повсюду вокруг возникли черные тени, которые не двигались и не издавали никаких звуков. Затем тишина была нарушена. Из совиной чащи донеслось странное глухое уханье. Мики уже приходилось слышать пронзительное верещанье и протяжные «ту-ву-у» небольших сов, обкрадывающих капканы, но голоса могучих крылатых

разбойников, которые обитают в глухих чащах и творят убийства по ночам, он слышал впервые. Это были глухие горловые звуки, более похожие на стон, чем на крик, – на стон такой короткий и тихий, что казалось, будто его умеряет осторожность, опасение вспугнуть будущую добычу. В течение нескольких минут из чащи доносилась перекличка ее кровожадных обитателей, а затем вновь наступила тишина, время от времени прерывавшаяся шорохом огромных крыльев среди еловых ветвей и вершин, – это охотники покидали свои убежища и улетали в сторону равнины.

Для Мики и Неевы вылет сов на охоту оказался только началом событий этой ночи. Они долго лежали бок о бок, не смыкая глаз и прислушиваясь. Мимо поваленных стволов на мягких лапах бесшумно прошел пекан², и они уловили его запах. Они услышали далекий крик гагары, тьяканье неугомонной лисицы и мычание лосихи, которая паслась на берегу озера у дальнего конца равнины. А затем они услышали звук, от которого их сердца забились сильнее и по телу пробежала дрожь возбуждения.

Сперва он донесся откуда-то издалека – отрывистый охотничий клич волков, гонящих дичь. Он приближался к равнине с севера и был подхвачен северо-западным ветром. Тогда голос стаи послышался совершенно отчетливо, и в мозгу Мики быстро начали всплывать туманные образы и смутные, почти неуловимые воспоминания. Голос, который доносился к нему с ветром, не был голосом Чэллонера, и все-таки он знал этот голос. Это был голос Хелея, его великана-отца, голос Нумы, его матери, голос тысяч и тысяч поколений его предков, и теперь в щенке заговорил инстинкт, унаследованный от этих предков, и неясные воспоминания первых дней его жизни. В дальнейшем разум и опыт научили его различать волка и собаку, хотя разница между ними могла показаться тоньше волоска. Но сейчас Мики слышал только приближающийся голос своей кровной родни. Он приближался быстро и беспощадно, полный яростного и острого голода. И Мики забыл про Нееву и не обратил внимания на то, что медвежонок забился поглубже под поваленный ствол. Мики вскочил на ноги и застыл в напряженной позе, забыв обо всем, кроме волнующего охотничьего клича волчьей стаи.

Ярдах в ста впереди волков, спасая жизнь, бежал Ахтик, молодой самец карибу. Он задыхался, силы начинали изменять ему, и он безнадежно вглядывался в ночной мрак – не блеснет ли где-нибудь вода, обещающая спасение? Стая уже развернулась подковой, концы которой начинали загигать впереди Ахтика. Волки готовились броситься на карибу, прокусить сухожилия задних ног, перервать ему горло. В эти последние минуты охотники смолкли, и Ахтик почувствовал приближение конца. В отчаянии он свернул вправо и скрылся в лесу.

Мики слышал, как затрещали кусты под его телом, и попятился к куче бурелома. Через несколько секунд в двадцати шагах от него пробежал Ахтик. В лунном свете карибу казался большим и нескладным, а его хрипящее дыхание было исполнено ужаса и смертной муки. Он исчез так же быстро, как и появился, но вслед за ним почти немедленно появились бесшумные быстрые тени – их было шесть или семь. Они возникли и исчезли почти мгновенно, как мимолетный порыв ветра.

После этого Мики долго стоял и прислушивался, но тишина снова обволокла ночной лес. Потом Мики забрался в бурелом и улегся рядом с Неевой.

Несколько часов он беспокойно дремал. Ему снилось забытое. Ему снился Чэллонер. Ему снились холодные ночи и большие костры, он слышал голос хозяина и ощущал прикосновение его руки, но над всеми этими видениями звучал дикий охотничий клич его лесных родичей.

На ранней заре он выбрался наружу и обнюхал следы карибу и волков. До сих пор в их странствиях Мики следовал за Неевой. Теперь наступила очередь Неевы следовать за ним. Вдыхая острый запах волков, Мики рысцой затрусил к равнине. Ему потребовалось полчаса,

² Крупная североамериканская куница.

чтобы добраться до нее. Затем он вышел на широкий каменистый уступ, откуда след спускался по крутому склону в долину.

Тут Мики остановился.

В десяти шагах ниже его и в двадцати шагах в сторону лежала наполовину обглоданная туша молодого карибу. Но не это пробудило в щенке бешеное волнение, от которого почти остановилось его сердце. Из кустов, тянувшихся ниже по уступу, появилась Махигун, изгнанная из стаи волчица, которая пришла насытиться мясом чужой добычи. Это было тощее, уродливое существо. Впалые бока волчицы никак не могли округлиться с тех пор, как она проглотила отравленную приманку и долго болела после этого. Ее чурались все другие волки, она была трусливой и злобной, способной загрызть даже собственных детенышей. Но Мики ничего этого не знал. В ней он увидел свою мать, какой ее рисовали ему память и инстинкт. А его мать была ему ближе, чем даже Чэллонер, его хозяин.

Минуту он лежал, вздрагивая всем телом, а потом начал спускаться с обрыва, как спускался бы к Чэллонеру – правда, с большей осторожностью, но зато с жадным ожиданием и с томительной радостью, которую не могло бы пробудить в нем появление человека. Он был уже совсем близко от Махигун, когда она наконец заметила его присутствие. Его ноздри были полны материнского запаха, он радовался... но и боялся. Однако это не был страх перед физической опасностью. Распластавшись на земле, положив голову на лапы, он заскулил.

Волчица стремительно обернулась, обнажив острые клыки во всю их длину. Ее налитые кровью глаза горели страхом и злобой. Мики не успел ни пошевелиться, ни тявкнуть. С быстротой кошки отщепенка оказалась рядом с ним. Ее клыки полоснули его один раз, и она скрылась. Из плеча Мики потекла кровь, однако не из-за боли он много минут лежал неподвижно, как мертвый. На том месте, где стояла Махигун, все еще сохранился материнский запах. Но смутные воспоминания рассеялись. Древняя память умерла, когда он глубоко вздохнул и взвизгнул от боли. Для него, как и для Неевы, больше не существовало ни Чэллонера, ни матери. Зато ему остался весь мир! И в этом мире вставало солнце. Этот мир был пронизан и напоен дыханием жизни. А рядом, совсем рядом благоухало сочное вкусное мясо.

Мики жадно втянул ноздрями воздух. Потом он обернулся и увидел, как с откоса на уступ кубарем скатилось толстое тельце Неевы, который торопился принять участие в пиршестве.

Глава IX

Если бы Макоки, старый индеец из племени кри, возивший почту между Годс-Лейком и Черчиллем, узнал о злключениях Мики и Неевы до той минуты, когда они до отвала наелись нежным жирным мясом затравленного волками молодого карибу, он, наверное, сказал бы, что их взяла под свое особое покровительство Иску Вапу, которой в мире добрых духов поручено ведать благополучием зверей, птиц и всех прочих тварей. Дело в том, что Макоки твердо верил в существование всяких лесных духов, так же как и духов – хранителей его типи³. И вокруг истории Мики и Неевы он сплел бы чудесную сказку и рассказал бы ее маленьким детям своего сына, а они запомнили бы ее, а потом поведали бы собственным детям.

Ведь дружба между черным медвежонком и щенком, в чьих жилах кровь гончей маккензи смешалась с кровью эрдельтерьера и шпица, была вещью неслыханной, и тем не менее Мики и Неева стали верными друзьями. И Макоки усмотрел бы в этом доказательство благожелательного внимания к ним Иску Вапу, с самого начала назначившей для них особую судьбу. Именно она, сказал бы Макоки, повела Чэллионера по следу матери Неевы и помогла ему убить старую медведицу; именно она надоумила его связать щенка и медвежонка одной веревкой, для того чтобы они, свалившись с его челнока в стремнину, не погибли, а, наоборот, помогли друг другу спастись и подружиться. «Неева-павук» (два маленьких брата) – назвал бы их Макоки, и, встретившись с ними, он скорее позволил бы отрубить себе палец, чем причинил бы им малейший вред. Но Макоки даже не подозревал об их существовании, и в то утро, когда они пировали у туши карибу, он в ста милях от места их пира торговался с белым путешественником, который хотел нанять его в проводники. Ему и в голову не пришло, что в эту минуту сама Иску Вапу находилась возле него и готовила событие, которому было суждено сыграть значительную роль в жизни Неевы и Мики.

Тем временем Неева и Мики уписывали мясо так, словно умирали с голоду. Они оба были на редкость практичными существами. Они не задумывались над тем, что осталось в прошлом, и полностью отдавались настоящему. Два дня, насыщенные горестными событиями и опасными приключениями, казались им долгими, как год. Неева все меньше и меньше тосковал по матери, а Мики как будто вовсе не вспоминал хозяина, с которым разлучился так недавно. Зато их память в мельчайших подробностях хранила все происшествия прошлой ночи: их сражения не на живот, а на смерть с огромными совами, их бегство, погоню волчьей стаи за молодым карибу и (это, конечно, помнил только Мики) короткую страшную встречу с Махигун, злобной волчицей, изгнанной из стаи. Ее укус все еще жег плечо щенка. Но от этого аппетит Мики нисколько не уменьшился. Испуская время от времени глухое рычание, он продолжал терзать тушу, пока совсем не объелся.

Тогда он сел на задние лапы и посмотрел в ту сторону, куда убежала Махигун. Он смотрел на восток, в направлении Гудзонова залива, – на огромную равнину между двумя грядами холмов, густо поросших лесами, которые утреннее солнце одевало золотом и багрянцем. Никогда прежде он не видел мир таким, каким увидел его теперь. Волки настигли карибу у самого обрыва плоского холма, который выдавался из черного совиного леса, как короткий толстый язык, и туша лежала на травянистом уступе, под которым начиналась равнина. С края этого уступа Мики глядел вниз и дальше – в неизмеримую даль, где расстилавшиеся перед ним чудеса постепенно сливались в трепещущую солнечную дымку под голубым небом. Он видел перед собой настоящий рай для зверья, суливший им с Неевой необыкновенно приятную жизнь, – сочные зеленые луга, рощи, похожие на ухоженные парки и у дальней гряды постепенно сливавшиеся в один густой лес. Пышно разросшийся кустарник пестрел всей роскошью

³ Жилище североамериканских индейцев: остроконечный шалаш, крытый шкурами или корой.

ярких июньских красок, там и сям сверкали излучины ручьев, а в полумиле от их холма блестяло озеро, похожее на огромное зеркало в лиловато-зеленой оправе из елей и пихт.

Где-то там исчезла волчица Махигун. Мики подумал, что она может вернуться, и понюхал воздух, стараясь уловить ее запах. Но тоска по матери, которую пробудила в нем Махигун, рассеялась бесследно. Он уже начал улавливать всю глубину различия между собакой и волком. Час назад, вдруг поддавшись иллюзии, что его мать еще может отыскаться, он принял за нее волчицу. Но теперь он разобрался в своей ошибке. Ведь еще чуть-чуть – и зубы Махигун прокусили бы его плечо или перервали сонную артерию. Тебах-Гон-Гавин (Единый великий закон) прочно входил в его сознание – неумолимый закон выживания лучше приспособленных. Жить – значило бороться за эту жизнь, убивать врагов, брать верх над всеми, у кого есть лапы или крылья. И на земле, и в воздухе его подстерегала опасность. С тех пор как он потерял Чэллонера, только Неева отнесся к нему без враждебности и принял его дружбу, – Неева, осиротевший медвежонок. И Мики повернулся к Нееве, который огрызался на пеструю сойку, кружившую над тушей в надежде поживиться кусочком мяса.

Еще четверть часа назад Неева весил фунтов двенадцать, но теперь он потянул бы не меньше пятнадцати. Его животик раздулся, как набитый саквояж, и, удобно расположившись на солнцепеке, медвежонок облизывался, очень довольный собой и всем на свете. Мики подскочил к нему, и Неева испустил дружеское ворчание. Потом он перекатился на толстую спину, приглашая Мики затеять притворную драку. Он впервые выразил желание поиграть, и щенок с радостным таякнаньем прыгнул на него. Они царапались, кусались, боролись, сопровождая веселую возню грозным рычанием (Мики) и поросычьим похрюкиванием и повизгиванием (Неева). В конце концов они оказались у самого края уступа и как два шара покатались по крутому травянистому откосу длиной в сотню футов. Неева скатился без всяких затруднений – такой он был толстый и круглый.

Голенастому же худому Мики пришлось туго: он летел кувыркаясь, вскидывая лапы в воздух, сворачиваясь в кольцо, и к тому моменту, когда он шлепнулся на каменную россыпь у подножия откоса, он был совсем ошеломлен и долго не мог перевести дух. Мики с трудом поднялся на ноги, судорожно глотая воздух. Несколько мгновений равнина и откос стремительно вертелись вокруг него. Затем он немного пришел в себя и увидел невдалеке Нееву.

Неева был весь захвачен удивительно приятным открытием. Черные медвежата любят съезжать с гор не меньше, чем мальчишки, мчащиеся вниз на санках, или бобры, использующие вместо салазок собственные хвосты. И вот, пока Мики ждал, чтобы мир окончательно перестал вертеться, Неева вскарабкался шагов на двадцать-тридцать вверх по откосу и... скатился вниз уже нарочно! Мики только пасть от изумления разинул. А Неева снова вскарабкался по откосу и снова скатился. Тут уж Мики вовсе перестал дышать. Пять раз на его глазах Неева взбирался шагов на тридцать вверх и кувырком катился вниз. После пятого раза Мики кинулся на Нееву и задал ему такую трепку, что они чуть было не подрались всерьез.

Затем Мики начал обследовать подножие откоса, и Неева послушно плелся за ним шагов сто, но потом взбунтовался и наотрез отказался идти дальше. Неева, доживавший четвертый месяц своей полной волнений юной жизни, был твердо убежден, что природа создала его только для того, чтобы он без конца предавался удовольствию набивать себе живот. Он считал, что еда – единственная и всеобъемлющая цель медвежьего существования. В ближайшие несколько месяцев ему предстояло усердно трудиться на этом поприще, дабы не посрамить чести своего племени, и видимое намерение Мики уйти от вкусной жирной туши молодого карибу преисполнило его тревогой и возмущением. Неева сразу забыл про забавы и полез вверх по склону уже не ради игры, а ради дела.

Увидев, куда направился медвежонок, Мики отказался от дальнейших исследований и побежал за товарищем. Они взобрались на уступ шагах в двадцати от туши и из-за кучи больших камней поглядели на свое мясо. То, что они увидели, на мгновение парализовало их: тушу

терзали две огромных совы! Мики и Неева приняли этих птиц за чудовищ, которые накануне чуть было не разделились с ними в лесной чаще. На самом же деле эти совы не принадлежали к племени ночных разбойников, как Ухумисью. Это были белые совы, отличающиеся от всех остальных своих сородичей тем, что и в яркий солнечный день они видят не хуже самых зорких ястребов. Миспун, большой самец, был весь бел как снег. Перья его подруги, которая несколько уступала ему в величине, заканчивались коричневато-серой каймой, а головы обоих казались особенно страшными, потому что были совершенно круглыми и не завершались ушами-кисточками. Миспун, наполовину прикрывая тушу Ахтика развернутыми крыльями, рвал мясо мощным клювом с такой свирепой жадностью, что звуки его пиршества доносились даже туда, где прятались Неева и Мики. Невиш, подруга Миспуна, почти совсем засунула голову в брюхо Ахтика. Медвежонок и намного старше Неевы, наверное, испугался бы, увидев и услышав их. Неева притаился за камнем, высунув из-за него только самый кончик носа.

В горле Мики поднялось глухое рычание. Но он сдержался и припал к земле. В нем снова забушевала кровь его отца, могучего охотника. Туша принадлежала ему, и он готов был с боем отстаивать свои права. А кроме того, разве он не вышел победителем из схватки с большой совой в лесу? Но ведь здесь их было две! А потому он не сразу вскочил на ноги, и за те несколько секунд, которые он колебался, на сцене неожиданно появилось новое действующее лицо.

Он увидел, что из низкой поросли кустов в дальнем конце уступа выползла Махигун, волчица-отщепенка. Худая как скелет, красноглазая, она серой свирепой тенью скользнула через открытое пространство. Ее пушистый хвост был злобно поджат и почти волочился по траве.

Надо отдать ей справедливость, совы несколько не пугали Махигун. Она кинулась на Миспуна, рыча и шелкая клыками так яростно, что Мики еще плотнее прижался к земле.

Зубы Махигун легко прорвали четырехдюймовую броню из перьев, защищавшую Миспуна. Он был захвачен врасплох, и его круглая голова была бы откушена напрочь прежде, чем он успел бы дать бой, но ему на помощь пришла Невиш. Вся перепачканная кровью Ахтика, она бросилась на Махигун с пронзительным, каким-то чихающим криком, не похожим на крик ни одного живого существа. Она вонзила в спину волчицы клюв и когти, и Махигун, невольно отпустив Миспуна, яростно повернулась к новому врагу. Миспун получил передышку, но Невиш заплатила за нее высокую цену: первый же удар длинных клыков волчицы оказался удачным, и одно огромное крыло Невиш было в буквальном смысле слова оторвано от ее тела. Хриплый крик боли, который испустила Невиш, сказал Миспуну, что его подруга погибает. Он взмыл в воздух и с такой силой обрушился на Махигун, что она не удержалась на ногах и упала.

Гигантская сова запустила когти ей в брюхо и принялась терзать ее внутренности яростно и упрямо. И Махигун почувствовала, что эта цепкая хватка несет ей смерть. Она бросилась на спину и принялась кататься по земле, рыча и лязгая зубами в попытке избавиться от кривых кинжалов, которые все глубже впивались в ее живот. Но Миспун не разжимал когтей. Она подминала его под себя, а он хлопал могучими крыльями и только крепче сжимал когти, не расслабив их даже в миг своей гибели. Рядом на земле умирала его подруга. Из ее ран хлестала кровь, но и совсем обессилев, она все еще пыталась помочь Миспуну. А он умер как герой, так и не выпустив волчицы.

Махигун с трудом дотащилась до кустов. Там ей в конце концов удалось сбросить с себя мертвое тело большой совы. Но в ее животе зияли глубокие раны. Из них струилась кровь, и волчица ушла в чащу, оставляя за собой алый след. Через четверть мили она легла на землю под карликовой елью и несколько минут спустя вздохнула в последний раз.

Нееве и Мики, особенно последнему, эта жестокая битва многое рассказала о мире, в котором они жили теперь, постепенно понимая его все яснее и яснее. Они обогатили сокровищницу своего опыта, дополнявшего древние инстинкты и наследственные свойства. Они

умели охотиться, чтобы добыть себе еду: Неева ловил своих жуков, лягушек и шмелей, Мики поймал кролика. Им уже пришлось драться, спасая свою жизнь. Смерть не раз подстерегала их. Но разыгравшаяся на их глазах схватка и ее мрачное завершение показали им жизнь с новой, еще неведомой им стороны.

Прошло много минут, прежде чем Мики подошел к Невиш и обнюхал мертвую сову. Теперь у него не возникло желания трепать и рвать ее перья с детской свирепостью и торжеством. Гибель большой птицы принесла ему новые знания и научила новым хитростям и повадкам. Судьба Миспуна и его подруги показала Мики, как важно всегда быть осторожным и уметь бесшумно двигаться. Ведь он уже понял, что в этом мире есть много существ, которые его не боятся и не побегут от него. Он утратил свое высокомерно-презрительное отношение к крылатым созданиям, он постиг, что земля вовсе не была создана ради него и для него, и чтобы уцелеть, он должен будет драться, как дрались совы и Махигун. Недаром предки Мики были закаленными бойцами и его генеалогическое древо восходило к волкам.

Неева извлек из случившегося совсем иной урок. Его сородичи были миролюбивы и если дрались, то только между собой. Они, как правило, не охотились на других лесных зверей, и ни один лесной зверь не охотился на них. Объяснялось это естественным положением вещей: просто в обширных владениях взрослого черного медведя не нашлось бы зверя другой породы, способного победить его в открытом бою – это не по силам даже волчьей стае. Поэтому из гибели Махигун и двух сов Неева не почерпнул никаких полезных сведений о том, как следует вести драку. Но зато он еще яснее понял пользу осторожности. Главным же для него было то, что ни Махигун, ни совы больше уже не могли покушаться на тушу. Его ужин остался цел.

Медвежонок продолжал прятаться, пока Мики обследовал поле боя, и его круглые глазки зорко смотрели по сторонам, не появится ли еще какой-нибудь враг. А Мики от тела Невиш перешел к Ахтику, а потом принялся обнюхивать след Махигун, который привел его к кустам. Там он увидел Миспуна. В кусты он углубляться не стал, а вернулся к Нееве, который к этому времени решил, что уже можно, ничего не опасаясь, выйти из-за спасительного камня.

До вечера Мики раз пятьдесят бросался защищать их мясо. Больше всего забот причиняли ему большеглазые, крикливые кукши. Канадские сойки почти не уступали им в назойливости. Дважды к туше подкрадывался маленький серый горностай, с глазками, как два крохотных рубина. Мики кидался на него с такой яростью, что третий раз он вернуться не рискнул. К полудню тушу высмотрели или почуяли вороны и принялись кружиться над ней, ожидая, что Мики и Неева куда-нибудь уйдут. Обманувшись в своих надеждах, они расселись на вершинах ближайших деревьев и начали хрипло и возмущенно каркать.

Наступили сумерки, но волки к туше не вернулись. Дичи было много, и стая, хозяйничавшая в здешних местах, охотилась в эту ночь дальше к западу. Раза два до Мики и Неевы издали доносился ее охотничий клич.

И всю звездную светлую ночь щенки и медвежонок сторожили, прислушивались, иногда ненадолго засыпали. Едва забрезжил серый рассвет, они вновь принялись за еду.

Если бы эту историю рассказывал старый Макоки из племени кри, он в этом месте снова не преминул бы указать, что Мики и Неева находились под особым покровительством Иску Вапу. Ибо день сменялся ночью, а ночь сменялась днем, и Мики с Неевой удивительно окрепли и даже словно выросли благодаря тому, что постоянно наедались до отвала. На четвертый день Неева стал таким толстым и гладким, что казался в полтора раза больше того медвежонка, который свалился с носа челнока в порожистую реку. Мики утратил свою костлявость. Его ребра уже нельзя было, как прежде, пересчитать с расстояния в два шага. Грудь у него стала шире, ноги не производили такого неуклюжего впечатления. Челюсти его окрепли, потому что постоянно грызли кости карибу. И по мере того как увеличивались его силы, уменьшалась его щенячья любовь к играм и росло беспокойное стремление начать самостоятельную охоту. На

четвертую ночь он снова услышал отрывистый охотничий клич волков и почувствовал неизъяснимое томительное волнение.

Для Неевы быть толстым, быть веселым и быть довольным означало одно и то же. Пока можно было кормиться у туши, его вовсе не тянуло уходить с уступа. Два-три раза в день он спускался к ручью напиться, и каждое утро и каждый день – особенно ближе к закату – он несколько раз скатывался со склона. Вдобавок ко всему этому он завел привычку спать после полудня в развилке молодого дерева.

Мики не видел в кувыркании вниз с обрыва ни смысла, ни удовольствия, лазать на деревья он тоже не умел, а потому начал все больше времени тратить на обследование подножия гряды. Он предпочел бы, чтобы Неева ходил вместе с ним. Каждый раз, перед тем как отправиться в такую экспедицию, он долго пытался заставить Нееву слезть с дерева или пускал в ход отчаянные усилия, чтобы увести его с собой, когда медвежонок по уже протоптанной тропке отправлялся к ручью или возвращался обратно. Тем не менее одного этого упрямства Неевы было бы недостаточно, чтобы их поссорить. Мики был слишком привязан к медвежонку, чтобы сердиться на него из-за таких пустяков. А если бы дело дошло до решительной проверки и Неева всерьез поверил бы, что Мики сейчас уйдет и не вернется, он, конечно, отправился бы вместе с ним.

Первое настоящее отчуждение между ними возникло не из-за ссоры, а из-за разногласия, коренившегося в самой их природе. Мики принадлежал к племени, которое предпочитает есть мясо свежим, Неева же особенно любил «хорошо выдержанное» мясо. А начиная с четвертого дня остатки туши Ахтика стали уже весьма «выдержанными». На пятый день Мики ел это мясо лишь с большим трудом, преодолевая отвращение, а на шестой просто не мог взять его в рот. Нееве же оно с каждым днем казалось все вкуснее и душистее. На шестой день, упоенный любимым ароматом, он от восторга повалился на остатках туши. И в эту ночь Мики впервые не пожелал спать, прижавшись к нему.

Развязка произошла на седьмой день. Туша теперь благоухала до небес. Легкий июньский ветерок разносил этот запах по окрестностям, и все вороны, проживавшие на несколько миль вокруг, начали собираться поблизости. Мики, не выдержав этого аромата, Поджал хвост и удрал к ручью. Когда Неева после обильного завтрака спустился туда напиться, Мики попробовал обнюхать приятеля и сразу же отбежал в сторонку. Собственно говоря, теперь он уже не смог бы с закрытыми глазами отличить Ахтика от Неевы – разница заключалась только в том, что один лежал неподвижно, а другой двигался. Но пахли оба одинаково мертвечиной; оба, бесспорно, были «хорошо выдержаны». Даже вороны теперь кружили и над Неевой, недоумевая, почему он расхаживает по уступу, хотя приличной падали этого делать отнюдь не полагается.

В эту ночь Мики спал в одиночестве под кустом на берегу ручья. Ему хотелось есть, и он чувствовал себя очень одиноким – впервые за много дней он испытывал робость перед огромностью и пустынностью мира. Ему был нужен Неева. Он тихо скулил, тоскуя без него в звездной тиши долгих часов, отделявших вечернюю зарю от утренней. Солнце стояло в небе уже довольно высоко, когда Неева наконец спустился с холма. Он только что позавтракал и повалился на своем любимом кушанье, и пахло от него совершенно нестерпимо. Снова Мики попробовал увести его от холма, но Неева ни за что не желал расставаться с этим благодатным местом. И в это утро он особенно торопился поскорее подняться на уступ. Накануне ему то и дело приходилось отгонять ворон от остатков туши, а сегодня они пытались обкрадывать его с еще невиданной наглостью. Неева поздоровался с Мики, дружелюбно прихрюкнув и взвизгнув, потом поспешно напился и начал карабкаться вверх по склону. Протоптанная им тропинка кончалась у кучи камней, из-за которой они с Мики наблюдали битву между Махигун и совами, – с тех пор из предосторожности он всегда несколько секунд медлил за этими камнями и выходил на открытое место, только убедившись, что все в порядке. На этот раз его

ожидал неприятный сюрприз: остатки туши были буквально облеплены воронами. Каркарью и его чернокрылое племя тучей опустились на уступ и теперь как сумасшедшие рвали остатки мяса, били крыльями и дрались. В воздухе над ними кружило еще одно черное облако; все соседние деревца и кусты гнулись под тяжестью рассеявшихся на них птиц, и их оперение блестело на солнце, точно обильно смазанное жирной сажой. Неева от удивления застыл на месте. Он не боялся ворон – ведь он уже столько раз прогонял прочь этих трусливых воришек! Но только он никогда еще не видел их в таком количестве. Он не мог разглядеть остатков туши: и Ахтик и трава вокруг исчезли под колышущимся черным покровом.

Он выскочил из-за камней, оскалив зубы, как выскакивал уже десятки раз до этого. Раздался громовый всплеск крыльев. Взвившиеся птицы затмили солнечный свет, а их голодное карканье было, наверное, слышно в миле от уступа. Но, против обыкновения, Каркарью и его бесчисленные стаи не улетели в лес. Ворон было так много, что они уже ничего не боялись. А аппетитный запах падали, от которой им пришлось оторваться, едва лишь они успели распробовать ее вкус, приводил их в настоящее исступление. Неева совсем растерялся. Над ним, позади него, вокруг него вились вороны: они вызывающе каркали, а наиболее дерзкие камнем падали вниз и старались задеть его крылом побольнее. Их грозная туча становилась все гуще, и внезапно она буквально рухнула на землю. Остатки туши вновь исчезли под живым черным покровом, а вместе с ними и Неева. Медвежонок был погребен под копошащейся крылатой массой и начал отбиваться, как отбивался от совы. Десятки сильных клювов клочьями вырывали его шерсть, долбили голову, норовили попасть в глаза. Ему казалось, что его уши будут вот-вот оторваны, а чувствительный кончик носа уже в первые десять секунд покрылся кровью и начал распухать. Он задыхался, почти ничего не видел и ничего не соображал. Ему чудилось, будто все его тело превратилось в клубок жгучей боли. Он забыл про тушу и думал только о том, как бы выбраться на простор и задать стрекача.

Собрав все силы, он поднялся с земли и ринулся напролом сквозь черную крылатую массу. Почти всех ворон его отступление вполне удовлетворило, и они остались у туши насыщаться, а к тому времени, когда Неева пробежал половину расстояния до кустов, в которых после схватки с совами скрылась Махигун, все его преследователи, кроме одного, присоединились к своим пирующим собратьям. Возможно, этим наиболее упорным его мучителем был сам Каркарью. Он впился клювом в коротенький хвостик медвежонка и висел на нем, точно захлопнувшаяся крысоловка. Только когда Неева уже далеко углубился в кусты, Каркарью наконец отпустил свою жертву, взмыл в воздух и возвратился к стае.

Никогда еще Неева не испытывал такого желания увидеть возле себя Мики. Вновь его представления о мире совершенно изменились. Он был весь исклеван. Его тело горело огнем. Ему было даже больно ступать на подошвы своих толстых лап, и, забившись под куст, он полчаса вылизывал раны и нюхал воздух – не донесется ли откуда-нибудь запах Мики?

Потом спустился с откоса к ручью и побежал к тому месту, где кончалась протоптанная им тропинка. Но его друга там не оказалось. Тщетно Неева звал его ласковым ворчанием и повизгиванием, тщетно он втягивал ноздрями ветер и бегал взад и вперед по берегу ручья, совершенно забыв про тушу Ахтика, которая послужила причиной их раздора.

Мики нигде не было.

Глава X

Мики находился уже в четверти мили от уступа, когда он услышал оглушительный шум, поднятый воронами. Но вряд ли он вернулся бы назад, даже если бы догадался, что Неева нуждается в его помощи. Щенок второй день ничего не ел и ушел от ручья с твердым намерением затравить какую-нибудь дичь, пусть самую большую и сильную. Однако он пробежал вдоль ручья добрую милю, прежде чем ему удалось отыскать хотя бы рака. Он сгрыз его вместе с панцирем, и противный вкус у него во рту стал менее заметным.

В этот день Мики было суждено пережить еще одно событие, навеки врезавшееся в его память. Теперь, когда он остался один, воспоминания о хозяине, совсем было исчезнувшие за последние четыре-пять дней, вдруг снова ожили. И с каждым часом образы, всплывавшие в его памяти, становились все более четкими и живыми, так что, пока утреннее солнце поднималось к зениту, пропасть, которую дружба с Неевой вырыла между настоящим и прошлым, начинала медленно, но верно сужаться. На некоторое время радостное возбуждение последних дней совсем угасло.

Несколько раз Мики останавливался, думая, не вернуться ли назад к Нееве, но голод заставлял его продолжать путь. Он нашел еще двух раков. Затем ручей стал заметно глубже, вода в нем потемнела, течение почти совсем исчезло. Дважды Мики вспугивал взрослых кроликов, но оба раза они легко от него удрали. Потом он чуть было не поймал крольчонка. То и дело у него из-под носа, треща крыльями, вспархивали куропатки. Он видел соек, сорок и множество белок. Повсюду вокруг летала и бегала пища, которая была для него недостижима. Наконец счастье ему улыбнулось. Сунув морду в дупло поваленного дерева, он обнаружил там кролика. Второго выхода из дупла не было. Впервые за три дня Мики смог поесть как следует.

Щенок накинудся на свой обед с таким увлечением, что не заметил, как на поляне появился Учак – крупный самец-пекан. Он не расслышал шагов пекана и даже почуял его не сразу. Учак не был драчуном и забиякой. Природа создала его смелым охотником и джентльменом, а потому, когда он увидел, что Мики (которого он принял за подростка волчонка) поедает свою добычу, ему и в голову не пришло потребовать доли для себя. Убегать Учак тоже не стал. Без сомнения, он вскоре пошел бы своей дорогой, но тут Мики заметил его присутствие и повернулся к нему.

Учак стоял шагах в трех от него, по ту сторону поваленного дерева. Мики, который ничего не знал про пеканов, он вовсе не показался свирепым. Сложением Учак напоминал своих близких родичей – ласку, норку и скунса. Он был вдвое ниже Мики, но одной с ним длины, и две пары коротких лап придавали ему комическое сходство с таксой. Весил он фунтов девять, голова у него была плоской, с заостренной мордочкой, а усы – щетинистыми и густыми. Кроме того, он обладал пышным пушистым хвостом и парой зорких маленьких глаз, которые, казалось, просверливали насквозь все, на что он смотрел. Он наткнулся на Мики совершенно случайно, но щенок заподозрил его в недобрых намерениях и усмотрел в нем возможного врага. Впрочем, Мики не сомневался, что легко разделается с Учаком, если дело дойдет до драки. А потому он оскалил зубы и зарычал.

Учак считал это намеком на то, что ему следует удалиться восвояси. Как джентльмен, он уважал охотничьи права других зверей, а потому принес свои извинения, бесшумно попятившись на бархатных лапах, и Мики, еще не знакомый с этикетом лесных обитателей, не выдержал: «Учак боится! Он спасается бегством!» С торжествующим твяканьем Мики бросился в погоню. Особенно винить его за этот промах не следует – множество двуногих животных, наделенных несравненно более развитым мозгом, делало подобную же ошибку. Учак же, хотя он никогда не ввязывается в драку первым, для своего роста и веса является, пожалуй, самым грозным бойцом среди всех животных Северной Америки.

Мики так никогда и не понял, что, собственно, произошло после того, как он кинулся на Учака. Слово «драка» тут просто не подходит – это была молниеносная расправа, полнейшее торжество одного противника над другим. Мики показалось, что он напал не на одного Учака, но по крайней мере на полдюжины. А больше он не успел ничего подумать, да и увидеть тоже. Он потерпел самое горькое поражение за всю свою прошлую и будущую жизнь. Его трясли, царапали, кусали, душили и терзали. Он был настолько ошеломлен, что и после того, как Учак удалился, продолжал болтать лапами в воздухе, не замечая исчезновения своего победителя. Когда же он открыл глаза и убедился, что его оставили в покое, он испуганно забился в дупло, где еще так недавно изловил кролика.

Там он пролежал добрых полчаса, тщетно стараясь понять, что же все-таки случилось.

Когда Мики выполз из дупла, солнце уже заходило. Щенок прихрамывал, его целое ухо было прокушено насквозь, на спине и боках виднелись проплешины, оставленные когтями Учака. Все кости у него болели, горло саднило, а над одним глазом набухла шишка. Он с тоской поглядел в ту сторону, откуда пришел, – там был Неева. Вместе с вечерним сумраком к нему пришло ощущение неизбежного одиночества и тоска по другу. Но в ту сторону пошел Учак, а встречаться с Учаком еще раз Мики решительно не хотел.

Прежде чем солнце окончательно закатилось за горизонт, Мики прошел еще около четверти мили на юго-восток. В сгущающейся тьме он вышел на волок Большой скалы между реками Бивер и Лун.

Тропы тут, собственно говоря, не было никакой. Лишь изредка охотники или торговцы, возвращаясь с севера, перетаскивали тут свои лодки с одной реки на другую. Волк, бродящий в этих местах, чуял здесь человеческий запах не чаще трех-четырех раз за год. Но в этот вечер запах человека у Большой скалы был настолько свежим, что Мики застыл на месте, словно перед ним возник еще один Учак. Одно всепоглощающее чувство заставило его на мгновение окаменеть. Все остальное было забыто – он наткнулся на след человека, а следовательно, на след Чэллонера, своего хозяина. И Мики пошел по этому следу – сначала медленно, словно опасаясь, что след может ускользнуть от него. Стало совсем темно, но Мики упрямо шел вперед под зажигающимися звездами. Все уступило место страстному собачьему желанию вернуться домой, к хозяину.

Наконец, почти уже на берегу реки Лун, он увидел костер. Костер этот развели Макоки и белый путешественник, к которому старый кри нанялся в проводники. Мики не бросился к ним без оглядки. Он не залаял и даже ни разу не тявкнул. Суровая школа лесной жизни уже многому его научила. Он тихонько пополз вперед и припал к земле неподалеку от границы освещенного костром круга. Тут Мики разглядел, что у костра сидят двое мужчин, но ни тот ни другой не был Чэллонером. Впрочем, оба курили совсем так же, как курил Чэллонер. До него доносились их голоса, очень похожие на голос Чэллонера. И лагерь был совсем таким же: костер, висящий над ним котелок, палатка и аппетитные запахи готовящегося ужина.

Еще две-три секунды – и он вступил бы в светлый круг. Но тут белый человек встал, потянулся, как обычно потягивался Чэллонер, и поднял с земли толстый сук. Он направился в сторону Мики, который пополз ему навстречу и вскочил с земли, когда их разделяло пять шагов. На щенка упал отблеск костра, и в его глазах отразилось пламя. Человек увидел его, и импровизированная дубинка взвилась в воздух. Если бы она попала Мики в голову, он был бы убит на месте, но ее толстый конец вообще его не коснулся, а тонкий ударил по шее и плечу с такой силой, что его отшвырнуло в темноту. Произошло это так быстро, что человеку показалось, будто его дубинка точно поразила цель. Он крикнул Макоки, что убил не то волчонка, не то лису, и бросился от костра во мрак.

Сук отбросил Мики в густые ветки карликовой ели, и он замер там в полной неподвижности, несмотря на мучительную боль в плече. На фоне костра он увидел темный силуэт человека, который нагнулся и поднял сук. Он увидел, что прямо на него бежит Макоки, тоже сжимая в

руке толстую палку, и съежился в комок, стараясь стать как можно незаметнее. Его охватил ужас, потому что он понял истинное положение вещей. Это были люди, но Чэлонера тут не было. А они охотились на него с палками. Мики хорошо понял, зачем им эти палки. Только чудом его кости остались целы.

Он лежал затаив дыхание, пока люди шарили вокруг. Индеец даже сунул свою палку в густые ветки ели, среди которых он прятался. Белый все время повторял, что своими глазами видел, как зверь упал, и один раз остановился так близко от убежища Мики, что нос щенка почти коснулся его сапога. Затем белый вернулся к костру и подбросил в него сухих березовых поленьев, чтобы пламя костра осветило все вокруг. Сердце Мики перестало биться. Но они начали искать в стороне от его елки, а потом вернулись к костру.

Мики пролежал так больше часа. Костер почти угас. Старый индеец завернулся в одеяло и лег возле тлеющих углей, а белый ушел в палатку. И только тогда Мики решился выползти из-под спасительных веток. Прихрамывая на каждом шагу, он затрусил назад по тому же пути, по которому так недавно с надеждой торопился сюда. Запах человека уже не будил в щенке радостного волнения. Теперь этот запах таил в себе угрозу. Он означал опасность. И Мики хотелось уйти от нее как можно дальше. Он предпочел бы еще раз встретиться с совами или даже с Учаком, но только не с человеком, вооруженным палкой. С совами он мог драться, но он чувствовал, что на стороне палки всегда будет подавляющее превосходство.

В ночном безмолвии Мики припелся к дуплистому стволу, возле которого встретился с Учаком. Он снова забрался в дупло и до рассвета зализывал свои раны. На рассвете он вылез наружу и доел остатки вчерашнего кролика.

После этого он пошел на северо-запад – в ту сторону, где остался Неева. Теперь Мики уже не колебался. Неева был ему необходим. Ему хотелось сунуть нос в теплый бок медвежонка, хотелось облизать его, пусть даже от него разит падалью. Ему хотелось услышать смешное дружеское ворчание и хрюканье Неевы. Ему хотелось снова охотиться вместе с ним, хотелось играть с ним, хотелось прикорнуть бок о бок с ним на солнышке и уснуть. Теперь он почувствовал, что Неева стал неотъемлемой частью его мира.

И Мики побежал на северо-запад.

А Неева гораздо выше по ручью с надеждой и тоской все еще трусил по следу Мики.

Они встретились на залитой солнцем небольшой полянке, примерно на половине пути между поваленным деревом и уступом. Встреча произошла без каких-либо бурных проявлений чувств. Щенок и медвежонок остановились и посмотрели друг на друга, словно проверяя, не произошло ли какой-нибудь ошибки. Неева прихрюкнул. Мики завилял хвостом. Они обнюхали друг друга. Неева взвизгнул, а Мики тихонько тявкнул. Казалось, они поздоровались:

«А, Мики!»

«А, Неева!»

Затем Неева растянулся на солнцепеке, Мики улегся возле него. До чего же все-таки странным оказался этот мир! Время от времени все разлеталось вдребезги, но потом обязательно как-то налаживалось. И вот сейчас все опять пришло в полнейшее равновесие. Друзья снова были вместе и чувствовали себя совершенно счастливыми.

Глава XI

Шел месяц Вылета Птенцов – дремотный жаркий август властвовал в северном краю. От Гудзонова залива до озера Атабаска, от Водораздела до Голых Земель безмятежный покой одевал леса, равнины, болота и в солнечные дни, и в звездные ночи. Это был муку-савин – время возмужания детенышей, время роста, время, когда зверье и птицы вновь получали нераздельную власть над своими бывшими владениями. Ибо человек в эти месяцы покидал дебри, раскинувшиеся на тысячу миль с запада на восток и с севера на юг. Тысячи охотников с женами и детьми собирались на факториях Компании Гудзонова залива, кое-где вкрапленных в это безграничное царство когтей и клыков, – собирались, чтобы провести несколько недель тепла и изобилия, веселясь, отдыхая и набираясь сил для тягот и лишений новой суровой зимы. Эти недели называли мукусавин – Великий праздник года. Это были недели, когда они расплачивались со старыми долгами и заводили новые на факториях, куда съезжались, словно на большую ярмарку. Это были недели развлечений, ухаживаний, свадеб, недели духовного и физического насыщения перед приходом мрачных и голодных месяцев.

Вот почему для обитателей леса тоже наступал праздник, и они вновь на короткое время становились единственными властителями своего мира, из которого исчезал самый запах человека. В них никто не стрелял, их лапам не грозили капканы и ловушки, на их тропах не лежала соблазнительная отравленная приманка. В болотцах и на озерах кричали, трубили и крякали гуси, лебеди и утки, не опасаясь за птенцов, которые только-только начинали учиться летать; рысь беззаботно играла с котятками и перестала ежеминутно нюхать ветер – не принесет ли он весть о приближении грозного двуногого врага? Лосихи без всякой опаски открыто входили в воду озер со своими телятами, росомахи и куницы весело резвились на кровлях опустевших хижин. Бобры и выдры упоенно катались с глиняных откосов и ныряли в своих темных заводах, пернатые певцы сыпали звонкие трели, и по всем дебрям Севера слышалась первозданная песня непуганой первобытной природы. Новое поколение зверей и птиц вступало в пору юности. Сотни тысяч детенышей и птенцов доигрывали детские игры, кончали курс обучения, быстро росли и готовились встретить свою первую зиму, чреватую еще не изведанными лишениями и опасностями.

А Иску Вапу, зная, с чем предстоит им встретиться в недалеком будущем, хорошо о них позаботилась. В лесном краю царило изобилие. Пospела черника, голубика, рябина и малина, ветки кустов и деревьев низко гнулись под тяжестью плодов. Трава была сочной и нежной, потому что выпадали короткие и обильные летние дожди. Луковицы и клубни буквально выпирали из земли; болотца и берега озер манили вкуснейшими лакомствами. Рог изобилия щедро сыпал на эти края свои съедобные дары.

Неева и Мики вели теперь безмятежное существование, исполненное нескончаемых радостей. В этот августовский день, едва начинавший клониться в вечеру, они лежали на горячем от солнца выступе скалы, под которым расстиралась прекрасная долина. Неева, объевшись сочной черникой, блаженно спал, но глаза Мики были полуоткрыты – щурясь, он вглядывался в светлую дымку, окутывавшую долину. До него доносилось мелодичное журчание воды между камнями и на крупной гальке отмелей, с музыкой ручья сливались дремотные голоса всей долины, тонущей в неге жаркого летнего дня. Мики ненадолго уснул беспокойным сном; через полчаса он внезапно проснулся, словно его кто-то разбудил. Он обвел долину внимательным взглядом, а потом посмотрел на Нееву – этот толстый лентяй проспал бы до ночи, если бы его оставили в покое. Но Мики в конце концов терял терпение и безжалостно будил медвежонка. Вот и теперь он досадливо залаял, а потом слегка укусил Нееву за ухо.

Он словно говорил:

«А ну-ка вставай, лежебока! Разве можно спать в такой чудесный день? Лучше прогуляемся по течению ручья и поохотимся на кого-нибудь».

Неева неторопливо поднялся, потянулся всем своим толстым туловищем и зевнул, широко разевая пасть. Его маленькие глазки сонно уставились на долину. Мики вскочил и беспокойно взвизгнул – так он обычно давал своему товарищу понять, что ему хочется пойти побродить по лесу. И Неева покорно начал спускаться следом за ним по зеленому откосу в долину, раскинувшуюся между двумя грядами холмов.

Им обоим уже почти исполнилось полгода, и из щенка и медвежонка они, собственно говоря, превратились в молодого пса и молодого медведя. Большие лапы Мики утратили прежнюю детскую неуклюжесть, грудь развилась, шея удлинилась и уже не казалась нелепо короткой для его крупной головы и могучих челюстей. Да и вообще он стал заметно шире в плечах и выше – его ровесники, принадлежащие к другим породам, рядом с ним в подавляющем большинстве показались бы маленькими и щуплыми.

Неева больше уже не походил на мохнатый шарик, хотя его возраст можно было угадать намного легче, чем возраст Мики. Однако он уже успел почти совсем утратить свое былое младенческое миролюбие. В нем наконец проснулся боевой дух, унаследованный им от его отца Суминитика; если дело доходило до драки, Неева уже не старался уклониться от нее, как прежде, и отступал, только если это оказывалось совершенно неизбежным и необходимым. Более того, ему, в отличие от большинства медведей, очень нравилось драться. Про Мики, истинного сына Хелея, и говорить нечего: он и в ранней юности никогда не упускал случая затеять драку. В результате оба они, несмотря на свою молодость, уже были покрыты рубцами и шрамами, которые сделали бы честь и закаленному лесному ветерану. Клювы ворон и сов, волчьи клыки и когти пекана оставили на их шкурах неизгладимые знаки, а на боку у Мики в довершение всего красовалась проплешина величиной с ладонь – памятка о встрече с росмахой.

В смешной круглой голове Неевы давно уже зрела честолюбивая мысль о необходимости как-нибудь помериться силами с другим молодым черным медведем. Однако до сих пор такая возможность представлялась ему всего дважды, и к тому же оба раза он не смог осуществить своего намерения, так как облюбованных им противников – медвежат-подростков – сопровождали их матери. Вот почему теперь, когда Мики увлекал его в очередную охотничью экскурсию, Неева следовал за ним с удовольствием, объяснявшимся не только надеждой поживиться чем-нибудь съестным, хотя еще недавно его ничего, кроме еды, не интересовало. Впрочем, не следует думать, будто Неева утратил свой былой аппетит. Наоборот, он был способен за день съесть втрое больше, чем Мики. Объяснялось это главным образом тем, что Мики удовлетворялся двумя-тремя трапезами в день, а Неева только обедал, но зато любил продлевать свой обед от зари и до зари. Куда бы они ни шли, он на ходу все время что-нибудь жевал.

В четверти мили от уступа, на котором они спали, находился каменистый овражек, где бил родник. Они давно уже облюбовали этот овражек, потому что он зарос дикой смородиной, самой лучшей во всем бассейне Шаматтавы. Чернильно-черные ягоды, с вишню величиной, буквально лопающиеся от сладкого сока, свисали такими крупными гроздьями, что Нееве хватало одной, чтобы набить себе пасть. Даже в августовских лесах трудно найти что-нибудь восхитительнее спелой черной смородины, и Неева забрал этот овражек в свою собственность. Мики тоже научился есть смородину, а потому теперь они направились к овражку, благо такие чудесные ягоды приятно есть и на сытый желудок. Кроме того, овражек сулил Мики множество развлечений: он кишел кроликами и молодыми куропатками, такими доверчивыми, что он ловил их без труда и пристрастился к их нежному и необыкновенно вкусному мясу. Кроме того, в овражке можно было поймать суслика или даже белку.

Однако на этот раз друзья едва-едва успели проглотить по первой порции крупных сочных ягод, как до их ушей донесся треск, происхождение которого не вызывало никаких сомне-

ний. Во всяком случае, и Неева, и Мики сразу поняли, что этот треск означает: шагах в тридцати от них выше по овражку кто-то ломал смородиновые кусты. В их владениях бесстыдно хозяйничал неизвестный разбойник! Мики тотчас оскалил клыки, а Неева со зловещим рычанием сморщил нос. Они тихонько направились туда, где раздавался треск, и вскоре вышли на небольшую, ровную как стол площадку. В центре этой площадки стоял совершенно черный от ягод куст смородины не более ярда в обхвате. А перед этим кустом, притягивая к себе его отягощенные гроздьями ветки, присел на задних лапах молодой черный медведь, заметно крупнее Неевы.

Но Неева был так ошеломлен и возмущен дерзостью пришельца, что не обратил на это последнее обстоятельство никакого внимания. Его ярость походила на ярость человека, который, вернувшись домой после недолгой отлучки, вдруг обнаружил бы, что его жилищем и имуществом завладел какой-то нахал. К тому же ему представился удобный случай удовлетворить свое заветное желание, задав хорошую трепку другому медведю. Мики как будто почувствовал это. Во всяком случае, он не опередил Нееву и не вцепился первым в горло наглого захватчика, как сделал бы при обычных обстоятельствах. Мики, против обыкновения, медлил, и Неева кинулся вперед и ударил ничего не подозревающего противника в бок, словно черное ядро.

Макоки, старый индеец из племени кри, присутствуя он при этой сцене, несомненно, тут же дал бы противнику Неевы кличку Питут-а-вапис-кум, что в буквальном переводе означает «сбитый с ног». Индейцы кри умеют находить чрезвычайно меткие и удачные наименования, а в этот момент описать неизвестного медведя точнее всего можно было именно с помощью выражения «питут-а-вапис-кум». Мы же в дальнейшем будем для краткости называть его просто Питом.

Захваченный врасплох, Пит, рот которого был набит смородиной, опрокинулся от удара Неевы, точно туго набитый мешок. Первый натиск Неевы увенчался таким полным успехом, что Мики, который наблюдал за происходящим с жадным интересом, не удержался и одобрительно тявкнул. Прежде чем Пит успел опомниться и хотя бы проглотить ягоды, Неева, не тратя времени, схватил его за горло зубами, и пошла потеха.

Надо сказать, что медведи, особенно молодые медведи, дерутся на свой особый лад. Точнее всего здесь подошло бы сравнение с двумя дюжими рыночными торговками, вцепившимися друг другу в волосы. Никаких правил при этом, конечно, не соблюдается. Когда Пит и Неева крепко обхватили друг друга передними лапами, они сразу же пустили в ход задние, и шерсть полетела клочьями. Пит, уже опрокинутый на спину (прекрасная боевая позиция для медведя!), оказался бы в более выгодном положении, если бы не то обстоятельство, что Неева успел вцепиться в его глотку. Погрузив клыки на всю их длину в горло противника, Неева отчаянно работал острыми когтями задних лап. Когда Мики увидел летящую шерсть, он в восторге придвинулся поближе к дерущимся. Но тут Пит нанес удар одной лапой, затем другой, и Мики от разочарования только щелкнул челюстями. Бойцы покатались по земле мохнатым клубком: Неева изо всех сил старался не разомкнуть зубов, и оба они хранили полное безмолвие, не позволяя себе ни взвизгнуть, ни зарычать. Песок и камешки взлетали в воздух вместе с клочками черного меха. Большие камни с грохотом катились по склону на дно овражка. Казалось, сама земля содрогается от ярости этой битвы. Мики напряженно наблюдал за ее ходом, и теперь в его глазах и позе начало проглядывать некоторое беспокойство, вскоре сменившееся откровенной тревогой. Сначала в этом извивающемся клубке из восьми мохнатых лап, которые били, терзали и рвали в клочья длинную черную шерсть, так что чудилось, будто сцепились две взбесившиеся ветряные мельницы, Мики не мог распознать, кто здесь, собственно, Неева, а кто – Пит, а потому не был в состоянии решить, кому приходится хуже. Однако в недоумении он пребывал не дольше трех минут.

Вдруг он услышал, как Неева взвизгнул – очень тихо, почти беззвучно, и все-таки Мики различил в голосе друга растерянность и боль.

Придавленный тяжелой тушей Пита, Неева к концу этих трех минут понял, что выбрал противника не по своим возможностям. Дело было только в весе Пита и его размерах – как боец Неева превосходил его и умением, и храбростью. Но и осознав свою ошибку, Неева продолжал драться в надежде, что удача все-таки ему улыбнется. В конце концов Питу удалось занять удобную позицию, и он принялся раздирать Нееве бока так немилосердно, что, наверное, скоро спустил бы с них шкуру в буквальном смысле слова, если бы в драку не вмешался Мики. Надо отдать Нееве справедливость: он переносил боль в стоическом молчании и ни разу больше не завизжал.

Но Мики все равно понял, что его другу приходится плохо, и впился зубами в ухо Пита. Впился с такой свирепостью, что сам Суминитик при подобных обстоятельствах не постыдился бы испуганно взреветь во всю силу своих легких. Так что уж говорить о Пите! Он испустил отчаянный вопль. Забыв обо всем на свете, кроме непонятной силы, которая безжалостно терзала его нежное ухо, он оглушительно визжал от ужаса и боли. Когда раздался этот пронзительный жалобный визг, Неева сразу же понял, что тут не обошлось без Мики.

Он вырвался из-под туши своего противника, и как раз вовремя: в овражек, как разъяренный бык, ворвалась матушка Пита. Она замахнулась на Нееву огромной лапой, но он успел отскочить и пустился наутек, а медведица повернулась к своему вопящему отпрыску. Мики в упоении висел на своей жертве и заметил, какая опасность ему грозит, только когда медведица уже занесла над ним лапу, похожую на бревно. Мики молниеносным движением бросился в сторону, и лапа опустилась на затылок злополучного Пита с такой силой, что он, точно футбольный мяч, кувырком пролетел по склону тридцать шагов.

Мики не остался посмотреть, что будет дальше. Он юркнул в смородиновые кусты и помчался вслед за Неевой к выходу из овражка. На равнину они выскочили одновременно и бежали без оглядки еще добрых десять минут. Когда они наконец остановились перевести дух, от овражка их уже отделяла целая миля. Пыхтя и задыхаясь, они опустились на землю. Неева в изнеможении высунул длинный красный язык. Медвежонок был весь в кровотокающих царапинах, на его боках клочьями висела выдранная шерсть. Он посмотрел на Мики долгим горестным взглядом, как бы печально признавая, что победа, бесспорно, осталась за Питом.

Глава XII

После драки в овражке Мики с Неевой уже не рисковали возвращаться в этот райский сад, где в таком изобилии произрастала восхитительная черная смородина. Впрочем, Мики от кончика носа до кончика хвоста был завзятым искателем приключений и, подобно древним кочевникам, лучше всего чувствовал себя тогда, когда они отправлялись исследовать новые места. Теперь он душой и телом принадлежал дремучим дебрям, и если бы в эту пору своей жизни он вдруг наткнулся на стоянку какого-нибудь охотника, то, скорее всего, подобно Нееве, поспешил бы убраться от нее подальше. Однако в судьбах зверей случай играет не меньшую роль, чем в людских судьбах, и когда наши друзья повернули на запад, туда, где простиралась обширная неведомая область огромных озер и множества рек, события начали понемножку и незаметно подводить Мики, сына Хелея, к тем дням, которым суждено было стать самыми темными и страшными днями его жизни.

Шесть чудесных солнечных недель, завершавших лето и начинавших осень, то есть до середины сентября, Мики и Неева медленно продвигались через леса на запад, неуклонно следуя за заходящим солнцем к хребту Джонсона, к рекам Тачвуд и Клируотер и к озеру Годе. В этих краях они увидели много нового. Здесь на площади примерно в десять тысяч квадратных миль природа создала настоящий лесной заповедник. На своем пути Мики и Неева встречали большие колонии бобров, выбиравших для своих хаток темные и тихие заводи. Они видели, как выдры играют и катаются с глинистых откосов. Они так часто натыкались на лосей и карибу, что совсем перестали их бояться и теперь, не прячась, спокойно шли через поляны или болотца, где паслись рогатые красавицы. Именно здесь Мики окончательно постиг, что животные, ноги которых завершаются копытами, представляют собой законную добычу зверей, наделенных когтями и зубами: эти места кишели волками, и они с Неевой часто натыкались на остатки волчьих пиршеств, а еще чаще слышали охотничий клич стаи, идущей по следу. После своей июньской встречи с Махигун Мики утратил всякое желание свести с волками более близкое знакомство. А Неева теперь уже не требовал, чтобы они надолго задерживались у недоеденных туш, на которых они время от времени натыкались. В Нееве просыпалось квоска-хао – инстинктивное ощущение надвигающегося «большого изменения».

До начала октября Мики не замечал в своем товарище ничего нового и необычного, но, когда наступил этот месяц, в поведении Неевы появилось какое-то беспокойство. Это беспокойство все более усиливалось, по мере того как ночи становились холоднее, а воздух наполнился запахами поздней осени. Теперь вожаком в их странствиях стал Неева – казалось, он непрерывно что-то ищет, но что именно, Мики не удавалось ни почуять, ни увидеть. Неева спал теперь мало и урывками. К середине октября он и вовсе перестал спать и почти всю ночь напролет, как и весь день, ел, ел, ел и непрерывно нюхал ветер в надежде обнаружить то таинственное нечто, на поиски которого его настойчиво и неумолимо гнала Природа. Он без конца рыскал среди бурелома и между скал, а Мики следовал за ним по пятам, готовый в любую минуту кинуться в бой с тем неведомым, что с таким усердием разыскивал Неева. Но поиски Неевы все еще оставались напрасными.

Тогда Неева, подчиняясь унаследованному от родителей инстинкту, повернул назад, на восток, туда, где лежала страна Нузак, его матери, и Суминитика, его отца. Мики, конечно, пошел с ним. Ночи становились все более и более холодными. Звезды словно отодвигались в неизмеримые глубины неба, а луна над зубчатой стеной леса уже не бывала красной, точно кровь. Крик гагары стал неизменно тоскливым, словно она горевала и плакала. А обитатели типи и лесных хижин втягивали ноздрями ледяной утренний воздух, смазывали свои капканы рыбьим жиром и бобровой струей, шили себе новые мокасины, чинили лыжи и сани, потому что стенания гагары говорили о неумолимом приближении идущей с севера зимы. Болота оку-

тала тишина. Лосиха уже не подзывала мычанием лосят. Теперь над открытыми равнинами и над старыми гарями разносился грозный рев могучих самцов, бросающих вызов всем соперникам, и под ночными звездами огромные рога с треском стукались о рога, сшибаясь в яростном поединке. Волк уже не завывал, упиваясь собственным голосом. Хищные лапы теперь ступали осторожно, крадучись. В лесном мире вновь наступала пора отчаянной борьбы за жизнь.

И вот пришел ноябрь.

Наверное, Мики на всю жизнь запомнился день, когда выпал первый снег. Сначала он решил, что все белые птицы на свете вздумали одновременно сбросить свои перья. Затем он ощутил под лапами нежную мягкость и холод. Кровь побежала по его жилам огненными струйками, и он почувствовал то дикое, захватывающее упоение, которое испытывает волк при наступлении зимы.

На Нееву снег подействовал совсем по-иному, настолько по-иному, что даже Мики ощутил эту разницу и со смутным беспокойством ожидал, к каким это может привести последствиям. В тот день, когда выпал первый снег, он заметил в поведении своего товарища необъяснимую перемену: Неева принялся есть то, чего прежде никогда в рот не брал. Он слизывал с земли мягкие сосновые иглы и трухлявую кору сгнивших стволов. А затем он забрался в узкую расселину у вершины высокого холма и нашел наконец то, что искал, – глубокую, теплую, темную пещеру.

Пути природы неисповедимы. Она наделяет птиц зрением, о каком человек не может и мечтать, а зверям дарит чувство направления, недоступное людям. Неева, готовясь погрузиться в свой первый Долгий Сон, пришел в пещеру, где родился, в пещеру, из которой вышел ранней весной вместе с Нузак, своей матерью.

Тут еще сохранилась их постель – углубление в мягком песке, устланное слинявшей шерстью Нузак. Но эта шерсть уже утратила запах его матери. Неева лег в готовое углубление и в последний раз испустил негромкое ласковое ворчание, адресованное Мики. Как будто неведомая рука мягко, но неумолимо прижалась к его глазам, и, не в силах противиться ее приказу, он на прощание пожелал Мики «спокойной ночи».

И в эту ночь с севера, словно лавина, налетел пипу кестин – первый зимний буран. Ветер ревел, как тысяча лосей, и в лесном краю вся жизнь затаилась без движения. Даже в своей укромной пещере Мики слышал, как воет и хлещет по скалам ветер, слышал свист дробинok снежной крупы за отверстием, сквозь которое они забрались в пещеру, и теснее прижался к Нееве, довольный тем, что они отыскивали такой надежный приют.

Когда наступил день, Мики направился к щели в скале и застыл в изумленном безмолвии перед зрелищем нового мира, совсем не похожего на тот, который он видел еще накануне. Все было белым – ослепительно, пронзительно белым. Солнце уже встало. Оно пускало в глаза Мики тысячи острых стрел сияющего блеска. Всюду, куда бы он ни посмотрел, земля казалась одетой в алмазный убор. Скалы, деревья, кусты нестерпимо сверкали в солнечных лучах. Вершины деревьев, отягощенные снежными шапками, пылали серебряным пламенем. Оно морем разливалось по долине, и не успевший замерзнуть извилистый черный ручей казался от этого особенно черным. Никогда еще Мики не видел такого великолепного дня. Никогда еще его сердце не билось при виде солнца с такой бешеной радостью, как теперь, и никогда еще его кровь не бежала по жилам так весело.

Он заливисто тявкнул и бросился к Нееве. Его звонкий лай нарушил сумрачную тишину пещеры, и он принялся расталкивать носом спящего товарища. Неева сонно заворчал. Он потянулся, на мгновение поднял голову, а потом снова свернулся в тугой шар. Тщетно Мики доказывал, что уже день и им пора идти дальше, – Неева не откликался на его призывы. В конце концов Мики возвратился к щели, ведущей наружу. Там он оглянулся, проверяя, не идет ли за ним Неева. С разочарованием убедившись, что тот по-прежнему лежит неподвижно, он в два прыжка очутился на снегу. Однако он еще не меньше часа провел около пещеры, вновь

превратившейся в медвежью берлогу. Три раза он забирался туда к Нееве и пытался заставить его встать и выйти на свет. В дальнем углу пещеры, где устроился Неева, было совсем темно, и Мики словно растолковывал своему другу, что он очень глуп, если думает, будто сейчас еще ночь, – ведь солнце взошло давным-давно. Но из усилий Мики ничего не вышло. Неева уже погружался в Долгий Сон – зимнюю спячку, которую индейцы называют ускепоу-а-мью – странной снов, куда уходят медведи.

Досада на приятеля и сильнейшее желание как следует укусить Нееву за ухо постепенно сменились у Мики совсем другим настроением. Инстинкт, который у зверей заменяет логическое мышление, свойственное человеку, пробуждал в нем гнетущую и непонятную тревогу. Его все больше и больше охватывало томительное беспокойство. Он метался перед входом в пещеру, и в этих метаниях чудилось даже отчаяние. Наконец Мики в последний раз залез туда к Нееве, а потом один спустился в долину.

Он был голоден, но после ночного бурана найти какую-нибудь еду было нелегко. Кролики тихо лежали в теплых гнездах под валежником и в дуплах поваленных деревьев, надежно прикрытых снежными сугробами. На то время, пока бушевал буран, вся лесная жизнь замерла, и теперь искрящуюся пелену не пересекал ни единый след, который мог бы привести Мики к добыче. Он брел по снегу, иногда проваливаясь в него по самые плечи. Потом он спустился к ручью. Но это уже не был прежний, хорошо ему знакомый ручей – по его берегам застыла ледяная корка, вода стала темной и зловещей. И он уже не журчал весело и беззаботно, как летом и в дни золотой осени. В его глуховатом монотонном побулькивании слышалась неясная угроза – словно ручьем завладели злые лесные духи и, исказив самый его голос, предупреждали Мики, что времена изменились и его родным краем управляют теперь новые силы и еще неизвестные ему законы.

Мики осторожно полакал воды. Она была холодной-холодной, как снег. И он постепенно начал понимать, что этот новый мир, несмотря на всю свою белую красоту, лишен теплого быющего сердца, лишен жизни. А он был в этом мире один. Один! Все вокруг было занесено снегом. Все вокруг, казалось, умерло.

Мики вернулся к Нееве и до конца дня лежал в пещере, прижавшись к мохнатому боку своего друга. Ночь он тоже провел в пещере – он только подошел к выходу и посмотрел на усыпанное яркими звездами небо, по которому, как белое солнце, плыла луна. Луна и звезды также стали какими-то другими, незнакомыми. Они казались неподвижными и холодными. А под ними распростерлась белая безмолвная земля.

На рассвете Мики еще раз попробовал разбудить Нееву, но уже без прежней упрямой настойчивости. И у него не возникло желания куснуть Нееву. Он осознал, что произошло нечто непостижимое. Понять, в чем дело, он был не в состоянии, но смутно угадывал всю значительность случившегося. И еще он испытывал непонятный страх, пронизанный дурными предчувствиями.

Мики спустился в долину поохотиться. Ночью при свете луны и звезд кролики устроили на снегу настоящий праздник, так что теперь на опушке леса Мики нашел целые площадки, утрамбованные их лапками, и множество петляющих следов. Поэтому он без труда отыскал себе завтрак и отлично поел. Однако он тут же выследил еще одного кролика, а потом и второго. Он мог бы продолжать эту охоту до бесконечности: благодаря предательскому снегу надежные кроличьи тайники превратились в настоящие ловушки. К Мики вернулась бодрость. Он снова радовался жизни. Никогда еще у него не было такой удачной охоты, никогда еще в его распоряжение не попадали такие богатые уголья, по сравнению с которыми совсем жалким казался овражек, где густые кусты смородины были черными от сочных гроздьев. Он наелся до отвала, а потом вернулся к Нееве с одним из убитых кроликов. Он бросил кролика рядом со своим товарищем и затыкал. Но даже и теперь Неева никак не отозвался на его зов. Медвежонок только глубоко вздохнул и слегка изменил позу.

Однако днем Неева впервые за двое суток поднялся, потянулся и обнюхал кроличью тушку. Но есть он не стал. Он несколько раз повернулся в своем углублении, расширяя его, и, к большому огорчению Мики, опять заснул.

На следующий день, примерно в тот же час, Неева снова проснулся. На этот раз он даже подошел к выходу из пещеры и проглотил немного снега. Но кролика есть он все-таки не стал. Вновь Мать-Природа подсказала ему, что не следует разрушать покров из сосновых игл и сухой трухи, которым он выстлал свой желудок и кишечник. Неева снова уснул. И больше уже не просыпался.

Зимние дни сменяли друг друга, а Мики по-прежнему охотился в долине возле берлоги, все больше и больше страдая от одиночества. До конца ноября он каждую ночь возвращался в пещеру и спал возле Неевы. А Неева казался мертвым, только он был теплым, дышал и порой из его горла вырывалось глухое ворчание. Но все это не утоляло тоски, нараставшей в душе Мики, которому отчаянно не доставало общества, не доставало верного товарища. Он любил Нееву. Первые долгие недели зимы он неизменно возвращался к спящему другу. Он приносил ему мясо. Его переполняло непонятное горе, которое не было бы столь острым, если бы Неева просто умер. Наоборот, Мики твердо знал, что Неева жив, но не понимал, почему он все время спит, и мучился именно оттого, что не мог разобраться в происходящем. Смерть Мики понял бы: если бы Неева был мертв, Мики просто ушел бы от него... и не вернулся бы.

Однако в конце концов наступила ночь, когда Мики, гоняясь за кроликом, отошел от пещеры очень далеко и впервые не стал возвращаться туда, а переночевал под кучей валежника. После этого ему стало еще труднее сопротивляться неслышному голосу, который властно звал его идти дальше. Через несколько дней он опять переночевал вдали от Неевы. А после третьей такой ночи наступила неизбежная минута – такая же неизбежная, как восход солнца и луны, – и наперекор надежде и страху Мики твердо понял, что Неева уже никогда больше не пойдет бродить с ним по лесу, как в те чудесные летние дни, когда они плечом к плечу встречали опасности и радости жизни в мире северных лесов, которые теперь не зеленели под теплыми солнечными лучами, а тонули в белом безмолвии, исполненном смерти.

Неева не знал, что Мики ушел из пещеры, чтобы больше в нее не возвращаться. Но быть может, Иску Вапу, добрая покровительница зверья, шепнула ему во сне, что Мики ушел; во всяком случае, в течение многих дней сон Неевы был беспокойным и тревожным.

«Спи, спи! – быть может, ласково баюкала его Иску Вапу. – Зима будет длинной. Вода в реках стала черной, ледяной. Озера замерзли, а водопады застыли, как огромные белые великаны. Спи, спи! А Мики должен идти своим путем, как вода в реке должна уноситься к морю. Потому что он – пес, а ты – медведь. Спи же, спи!»

Глава XIII

В конце ноября, вскоре после первого бурана, загнавшего Нееву в берлогу, разразилась невиданная пурга, которая надолго запомнилась в северном краю, потому что с нее начался Кускета пиппун – Черный год, год внезапных и страшных морозов, голода и смерти. Пурга эта началась через неделю после того, как Мики окончательно покинул пещеру, где так крепко уснул Неева. А до этой бури над лесами, укутанными белой мантией, день за днем сияло солнце, а по ночам золотым костром горела луна и сверкали яркие звезды. Ветер дул с запада. Кроликов было столько, что в чащах и на болотах снег был плотно утрамбован их лапками. Лоси и карибу бродили по лесам во множестве, и ранний охотничий клич волков сладкой музыкой отдавался в ушах тысяч трапперов, еще не покинувших свои хижины и типи.

А потом грянула неожиданная беда. Ничто ее не предвещало. Небо на заре было совсем чистым, и утром ярко светило солнце. Затем леса окутала зловещая тьма – окутала с такой неимоверной быстротой, что трапперы, обходившие свои капканы, останавливались как вкопанные и с удивлением озирались по сторонам. Тьма стремительно сгущалась, и в воздухе слышались тихие звуки, похожие на стоны. Хотя они были еле слышны, никакой самый зловещий барабанный бой не мог бы нести более грозного предостережения. Они казались отголосками дальнего грома. Но предупреждение пришло слишком поздно. Прежде чем люди успели вернуться в свои жилища или хотя бы соорудить себе временные убежища, на них обрушился Великий Буран. Три дня и три ночи он бесчинствовал, точно бешеный бык, примчавшийся с севера. В открытой тундре ни одно живое существо не могло устоять на ногах. В лесах ветер тысячами валил деревья, громоздя стены непроходимого бурелома. Все живое закопалось в снег... или погибло. Буран намет валы и сугробы из твердой ледяной крупы, похожей на свинцовую дробь, и принес с собой жестокий мороз.

На третий день температура в области, лежащей между Шаматтавой и хребтом Джексона, упала до пятидесяти градусов ниже нуля. И только на четвертый день те, кто остался жив, рискнули выбраться из спасительных укрытий. Лоси и карибу с трудом вставали, сбрасывая с себя тяжелое бремя снега, которому были обязаны тем, что уцелели. Животные помельче прокапывали туннели из глубины сугробов. Погибло не меньше половины всех птиц и кроликов. Но наиболее богатую дань в эти дни смерть собрала среди людей. Правда, многим даже из тех, кто был застигнут бураном вдали от дома, все-таки удалось кое-как добраться до своих хижин и типи. Однако число невернувшихся было еще больше – за три ужасных дня Кускета пиппун между Гудзоновым заливом и Атабаской погибло пятьсот с лишним человек.

Перед началом Великого Бурана Мики бродил по большой гари у хребта Джексона, и при первых признаках надвигающейся пурги инстинкт заставил его поспешно вернуться в густой лес. В самой чаще он ползком забрался в глубь хаотического нагромождения упавших стволов и сломанных вершин и пролежал там, не двигаясь, все три страшных дня. Пока бушевала пурга, его томила тоска: ему хотелось вернуться в пещеру, где спал Неева, и снова прижаться к теплому боку товарища, пусть он и был недвижим, точно мертвый. Необычная дружба, так крепко связавшая их за время долгих совместных летних странствований, радости и невзгоды долгих месяцев, когда они сражались и пировали бок о бок, как братья, – все это с необыкновенной ясностью жило в его памяти, точно произошло только вчера.

Мики лежал под нагромождением бурелома, который все больше заносило снегом, и видел сны.

Ему снился Чэллонер, его хозяин, и то время, когда он еще был веселым, беззаботным щенком; ему снился тот день, когда Чэллонер принес на их стоянку Нееву, осиротевшего медвежонка, и все, что произошло с ними потом; он вновь переживал во сне разлуку с хозяином, удивительные и опасные приключения, выпавшие на их долю в лесах, и, наконец, потерю

Неевы, который лег в песок на полу пещеры и не захотел больше вставать. Этого Мики никак не мог понять. И, проснувшись, Мики под завывание бурана продолжал раздумывать о том, почему Неева не пошел с ним на охоту, а свернулся в шар и заснул странным непробудным сном. Все время, пока тянулись эти нескончаемые три дня и три ночи, Мики томился от одиночества больше, чем от голода, но и голод был мучителен: когда наутро четвертого дня он выбрался из своего убежища, от него остались только кожа да кости, а глаза застилала красная пелена. Мики сразу же посмотрел на юго-восток и заскулил.

В этот день ему пришлось пробежать по снежному насту двадцать миль, но он все-таки добрался до холма, у вершины которого была берлога Неевы. В этот день солнце в очистившемся небе сияло ослепительным огнем. Его лучи отражались от искрящегося снега, и из-за этого режущего блеска красная пелена перед глазами Мики еще больше сгущалась. Но когда он наконец добрался до цели, небо уже потемнело и только на западе горело холодным багрянцем. Над лесом сгущались ранние зимние сумерки, однако света было еще достаточно, чтобы разглядеть холмистую грядку с пещерой Неевы, – но пещера исчезла. Буран нагромоздил по склонам холма чудовищные сугробы, и они скрыли все приметные скалы и кусты. Вход в пещеру был погребен под десятифутовым слоем снега.

Замерзший, голодный, совсем исхудавший за эти трое суток, лишившийся последней надежды на возвращение к другу, Мики поплелся обратно. У него больше не было ничего, кроме нагромождения упавших стволов, под которыми он прятался от бурана; и в нем самом теперь ничего не осталось от веселого товарища и названного брата медвежонка Неевы. Стертые лапы кровоточили, но Мики упорно шел вперед. Зажглись звезды, и белый мир наполнился призрачным мерцанием. Все было сковано лютым холодом. Деревья начали потрескивать. По всему лесу словно раздавались пистолетные выстрелы – это мороз разрывал сердцевину деревьев. Было тридцать пять градусов ниже нуля, и становилось все холоднее. Мики с трудом заставлял себя идти к своему логовищу под буреломом. Никогда еще его силы и воля не подвергались такому жестокому испытанию. Взрослая собака на его месте прямо упала бы в снег или попробовала бы отыскать какое-нибудь временное убежище, чтобы передохнуть. Но Мики был истинным сыном Хелея, своего великана отца, и остановить его на избранном пути могла только смерть.

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное. Мики уже прошел тридцать пять миль, считая двадцать миль до холма и пятнадцать обратно, как вдруг наст под его лапами проломился, и он с головой ушел в рыхлый снег. Когда Мики немного опомнился и снова встал на полуотмороженные лапы, он увидел, что очутился в каком-то очень странном месте – это был шалашик из еловых веток, и в нем сильно пахло мясом! Мики тотчас обнаружил это мясо почти под самым своим носом – надетый на колышек кусок, отрезанный от замерзшей туши карибу. Мики не стал задаваться вопросом, откуда взялось здесь это мясо, и тут же его проглотил. Объяснить ему, где он очутился, мог бы только Жак Лебо, траппер, живший милях в десяти к востоку от этого места. Мики ел приманку, которую Лебо оставил у капкана, соорудив над ним особый шалашик. Индейцы такой шалашик называют «кекек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.